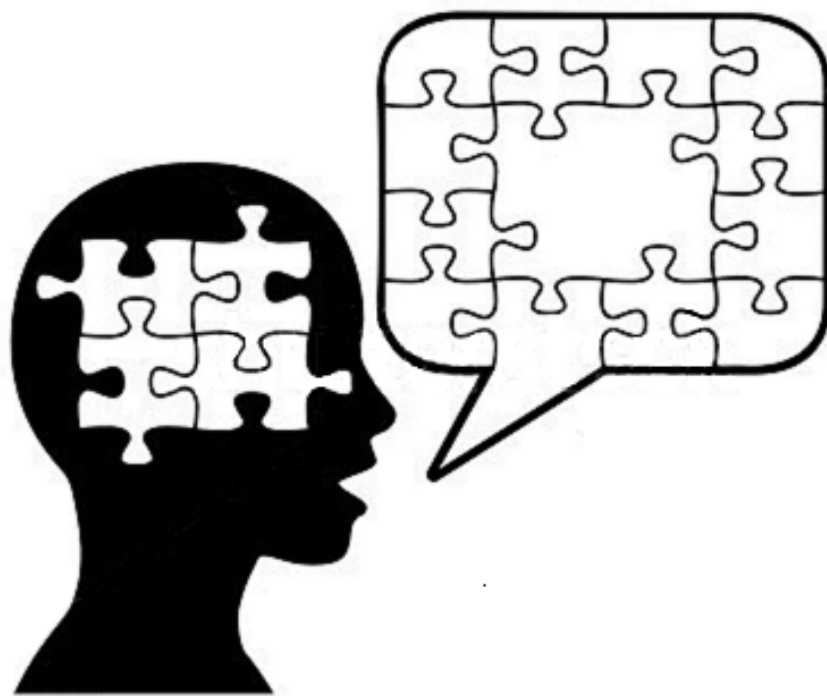

А.Г. Горбунов

**ДИСКУРС КАК НОВАЯ
ЛИНГВОФИЛОСОФСКАЯ ПАРАДИГМА**

Ижевск 2013

Министерство образования и науки РФ
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Факультет профессионального иностранного языка

ДИСКУРС КАК НОВАЯ ЛИНГВОФИЛОСОФСКАЯ ПАРАДИГМА

Учебное пособие

Ижевск
2013

УДК 811.1(075)
ББК 81.40-51Я73
Д 482

Рекомендовано к изданию Учебно-методическим советом УдГУ.

Рецензенты: к.п.н., доцент, заведующий кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации ФПИЯ УдГУ Е.В. Тарабаева;
к.ф.н., доцент кафедры философии ИжГТУ им. М.Т. Калашникова
И.М. Некипелова.

Составитель: старший преподаватель кафедры №4 для гуманитарных специальностей факультета профессионального иностранного языка УдГУ А.Г. Горбунов.

Д 482 Дискурс как новая лингвофилософская парадигма : учебное пособие / сост. А.Г. Горбунов. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – 56 с.

Учебное пособие адресовано студентам, изучающим иностранный язык на неязыковых направлениях обучения, студентам филологических направлений обучения и представляет собой обзор результатов исследований в области дискурс-анализа.

В пособии раскрываются некоторые подходы к определению дискурса как новой лингвофилософской парадигмы, описана структура дискурса, что позволяет обучающимся получить наиболее полное представление об этом лингвистическом феномене.

Пособие рекомендуется к использованию преподавателями филологических и нефилологических направлений обучения в системе высшего профессионального образования для организации и проведения учебных занятий по практике устной и письменной речи при изучении родного и иностранных языков.

Пособие может быть использовано магистрантами и аспирантами для более глубокого понимания основных принципов формирования и повышения уровня речевой и иноязычной коммуникативной компетенции.

ISBN 978-5-4312-0215-5

УДК 811.1(075)
ББК 81.40-51Я73

© Сост. А.Г. Горбунов, 2013
© ФГБОУ ВПО «Удмуртский
государственный университет», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	2
Введение.....	3
Язык в языке, или к определению дискурса.....	5
Определение понятия «коммуникативная компетенция».....	20
Дискурсивные законы.....	21
Регистры дискурса.....	22
Структура дискурса.....	25
Типы (модусы) дискурса.....	29
Жанры дискурса.....	35
Функциональные стили дискурса.....	37
Формальность дискурса.....	38
Направления и подходы в дискурсивном анализе.....	38
Методы дискурсивного анализа.....	39
Место дискурсивного анализа в лингвистике.....	40
Заключение.....	41
Вопросы для самопроверки.....	45
Литература.....	47
Интернет-источники.....	50
Некоторые периодические издания по теме.....	51

Предисловие

На современном этапе развития языкознания дискурс-анализ как новая отрасль лингвистики привлекает внимание всё большего числа исследователей дискурса как лингвистического феномена, с помощью которого можно объяснить многие речевые явления и закономерности. Проблема систематизации речевых явлений и закономерностей имеет высокую степень актуальности.

Данное учебное пособие представляет собой обзор наиболее значимых результатов исследований в области дискурс-анализа. Составитель адресует пособие студентам филологических направлений обучения, студентам, изучающим иностранный язык на языковых и неязыковых направлениях, а также всем, кто заинтересован в изучении дискурса и коммуникации как явлений, имеющих междисциплинарную и философскую природу.

В пособии раскрываются некоторые подходы к определению дискурса как новой лингвофилософской парадигмы, описана структура дискурса, что позволяет получить наиболее полное представление об этом лингвистическом феномене. Более того, понимание системных характеристик дискурса, по мнению составителя, способствует формированию высокого уровня дискурсивной компетенции, что может быть использовано в качестве лингводидактического инструмента на филологических и нефилологических направлениях обучения.

Составитель преследует цель обратить теоретические положения дискурс-анализа в прикладной аспект при обучении языку, что является новеллой в области лингводидактики, так как современные учебно-методические комплексы не предусматривают использование результатов исследований в области теории дискурса в целях повышения уровня речевой компетенции.

Пособие рекомендуется к использованию преподавателями филологических и нефилологических направлений обучения в системе высшего профессионального образования для совершенствования процесса организации и проведения учебных занятий по практике устной и письменной речи при изучении родного и иностранных языков.

Пособие может быть использовано магистрантами и аспирантами для более глубокого понимания основных принципов формирования и повышения уровня коммуникативной компетенции при общении на родном и иностранных языках.

Введение

Данный обзор ставит перед собой цель обобщить имеющиеся достижения в исследовании дискурса в отечественной лингвистике. Такое обобщение, возможно, укажет на следующий этап работы в области исследования дискурса как лингвистического феномена, который захватывает умы всё большего числа учёных и делает возможными удивительные открытия в области современного языкознания.

Обобщение ряда открытий в истории языкознания позволяет исследователям прийти к выводу о том, что до середины 20 века в лингвистике, безусловно, господствовал формализм, в рамках которого язык рассматривался как исключительно абстрактная семиотическая система. Существовавший в то время подход не позволял адекватно интерпретировать лингвистический материал, поэтому к 1970-80-м годам «формализаторская редукция» языка, игнорирование человеческого фактора, стали восприниматься как слишком очевидные огрубления» [11, С.285]. Вследствие этого была разработана новая, отнюдь не формально-структурная, а функционально-коммуникативная парадигма, которая базируется на убеждении о том, что «никакие языковые явления не могут быть адекватно поняты и описаны вне их употребления» [63].

Как следствие новой парадигмы в языкознании, эволюция системы научных представлений привела к расширению диапазона изучения языковых фактов, их более глубокому и всестороннему рассмотрению. «В поле зрения лингвистов именно теперь оказались «текст», «дискурс» и т. п. как непосредственные объекты описания» [38, С.285].

Дискурс-анализ как новая парадигма изучения языка способствовал появлению особой отрасли лингвистики, где были представлены новые методы исследования в области языкознания.

Если в начале 20 века учёные-лингвисты пытались дать ответ на вопрос «Как устроен язык?», то вторая половина столетия была посвящена поиску ответа на вопрос «Как функционирует язык?»

С позиции только лингвистики попытки дать ответ на вопрос «Как функционирует язык?» не имели какой бы то ни было перспективы, вследствие чего возникла необходимость расширения предмета лингвистики и создание ряда междисциплинарных направлений, таких как когнитивная, психо-, социо-, прагмалингвистика и прочих.

К концу века заметно больше внимания было уделено изучению человеческого фактора или субъективности в лингвистике, что привело приверженцев функционально-коммуникативного подхода к победе над теми, кто придерживался формально-структурного подхода в изучении

языка, который определялся отсутствием у языка точных определяемых функций и полной независимостью формы языка от его функций. Приверженцы функционально-коммуникативного подхода определяли язык как систему знаков, которая служит или используется для достижения различных коммуникативных целей, выполнения определенных коммуникативных функций.

Дискурс-анализ с позиций функционально-коммуникативного подхода обеспечил возможность изучить и структуру, и функции языка с целью выявления соответствий между ними. Были выявлены взаимозависимости между формой и функцией, исследовано влияние употребления языка на его структуру.

Как продукт функционализма дискурс-анализ отнюдь не отвергает, но интегрирует достижения и данные всей предшествующей формально-структурной лингвистики, и представляет собой самостоятельное научное направление в области языкознания. С этой позиции существуют три подхода к трактовке содержания понятия «дискурс»:

- формализаторский подход предлагает иерархию единиц дискурса, типов отношений между ними и правил их конфигурации.
- функционалисты определяют дискурс как «употребления языка» в широком смысле или изучение функций языка в широком социокультурном контексте.
- и, наконец, дискурс является не примитивным набором изолированных единиц языковой структуры «больше предложения», а целостной совокупностью функционально организованных, контекстуализированных единиц употребления языка.

Во второй половине 20-го и в начале 21-го века определение понятия дискурса становится одной из центральных проблем в языкознании.

Предпосылки к изучению речи, дискурса, диалога и текста, к различению статического и динамического аспектов в языковых процессах лежат в трудах В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюра, Л. Витгенштейна, Л.В. Щербы, Э. Бенвениста. Также, существенной в исследовании дискурса стала ориентация на когнитивные и социальные процессы. М.М. Бахтин (1895-1975) отмечал: «Организирующий центр всякого высказывания, всякого выражения – не внутри, а вовне: в социальной среде, окружающей особь» [8, С.102]. Сопоставление дискурсивных практик приводит исследователей к выводу о том, что сама социальная среда, свойственная каждой культуре, неоднородна. Тем не менее, именно социальная среда является исходной основой, обеспечивающей сопоставление дискурсов и текстов [18, С.343].

Заслуживает внимания точка зрения на дискурс как новый объект изучения в современной лингвистике, предложенная А.А. Кибриком. Учёный

придерживается мнения о том, что люди разговаривают между собой дискурсами, а не предложениями и тем более не морфемами или фонемами. Это отличает дискурс от других языковых единиц, которые представляют собой научные конструкты, плоды того или иного анализа, а раз так, то и трудно достичь согласия относительно их состава и природы. Поэтому естественное построение лингвистики как науки следовало бы начинать с исследования дискурса, и лишь с учетом этого уровня исследовать более мелкие единицы, полученные в результате аналитических процедур [21, С.3].

Тем не менее, несколько более абстрактный подход, предложенный фундаментальным теоретиком в области языкознания академиком Ю.С. Степановым (1930-2012), который заключается в определении языка как «дом духа», может включать несколько сходных определений языка разной философской окраски, в том числе "Язык – пространство мысли".

Такое общее определение языка, которое состоялось в конце 20 века, позволяет сделать вывод о том, что *язык неотделим от познания*; что *язык связан с глубинным философским постижением действительности*, причем такое понимание языка не противопоставляет эти констативы, но делает их взаимодополняющими друг друга. По мнению Ю.С. Степанова первый подход в большей степени воплощает современные лингво-технические достижения, а второй лежит в сфере логико-философских поисков.

Дальнейшие рассуждения ученого привели его к выводу о том, что такое понимание даёт возможность выделить в языке три важные для нашего ментального мира понятия:

- 1) язык в языке, или дискурс (что является предметом нашего интереса);
- 2) новая категория – "Факт";
- 3) новое понимание причины и принципа причинности.

Язык в языке, или к определению дискурса

Французское слово *discours* произошло от латинского *discursus* – рассуждение, довод. Дискурс – одно из сложных и трудно поддающихся определению понятий современной лингвистики, семиотики и философии, получившее широкое распространение в англо- и особенно франкоязычных культурах. Значение слова дискурс в этих культурах определяется как речь, выступление, рассуждение. В русском языке, как и во многих других европейских, этому слову нет эквивалента. Оно переводится как дискурс, дискурсия, речь, слово, текст, рассуждение. Предметом теоретического изучения дискурс стал относительно недавно.

Некоторые исследователи в области современной лингвистики отмечают, что термин «дискурс» близок по смыслу к понятию «текст», но в

отличие от текста характеризуется как динамическое, разворачивающееся во времени коммуникативное явление; текст же определяется преимущественно как статический объект, результат языковой деятельности. Существует мнение, что дискурс может включать одновременно два компонента, а именно динамический процесс языковой деятельности, вписанный в социальный контекст, и результат такой языковой деятельности.

Советский лингвист В.Г. Борботько определил понятие «дискурс» как «текст связной речи»: «Текстом можно считать последовательность единиц любого порядка. Дискурс – тоже текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной внутренней смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование» и далее «текст – более общее понятие, чем дискурс. Дискурс всегда является текстом, но обратное не верно. Не всякий текст является дискурсом» [7, С.8-9].

Созданные в лингвистике междисциплинарные направления для изучения дискурса стали неотъемлемой частью нового раздела в языкознании – дискурсивный анализ (discourse analysis), который также известен как исследование дискурса (discourse studies).

С позиции классической философии термин дискурс использовался для описания последовательного перехода от одного дискретного шага к другому и развертывания мышления, выраженного в понятиях и суждениях, в противовес интуитивному осознанию целого и его частей.

С позиции современной французской философии постмодернизма дискурс представляет собой особую ментальность и идеологию, которые выражены в тексте, обладающем связностью и целостностью и погруженном в жизнь, то есть дискурс рассматривается в социокультурном, социально-психологическом и других контекстах.

Определения дискурса с позиции философии 20 века достаточно неоднозначны, так как в первую очередь под ним понимается монологически развиваемая языково-речевая конструкция, например, речь или текст. Вместе с тем, нередко под дискурсом понимается последовательность совершаемых в языке коммуникативных актов. Такая последовательность может быть представлена в разговоре, диалоге, письменных текстах, содержащих взаимные ссылки и посвященных общей тематике и т. д. Дискурс связывают с такой активностью в языке, которая соответствует специфической языковой сфере и обладает специфической лексикой. Кроме того, продуцирование дискурса осуществляется по определенным правилам (например, по правилам синтаксиса) и с определенной семантикой. Дискурс тем самым создается в определенном смысловом поле и призван передавать определенные смыслы, нацелен на коммуникативное действие в особой

языковой среде. Поэтому сам термин “дискурс” требует соответствующего определения, например, “политический дискурс”, “научный дискурс”, “философский дискурс”. В соответствии с этим пониманием дискурс можно рассматривать как “язык в языке” [62].

Основоположник современной лингвистики Ф. де Соссюр (1857-1913) редко пользовался термином «дискурс», поскольку считал «язык» единственным предметом изучения лингвистики, противопоставляя его речи, понимаемой как практическая реализация языка. Однако, его последователи, напротив, уделяют понятию дискурс в значительной степени большее внимание. Так, например, Э. Бенвенист почти не употребляет термин «речь», предпочитая ему «дискурс». Э. Брюссанс включает в соссюровскую дихотомию язык / речь третий компонент – дискурс, располагая его между языком и речью и наделяя его функцией посредника. При этом, *язык* выступает как абстрактная система знаков; *дискурс* содержит определенные комбинации, с помощью которых говорящий использует язык; *речь* представляет собой сам механизм и процесс речевой деятельности [62].

Термин дискурс получил широкое употребление во второй половине 20 века (в начале 1970-х гг.). Но задолго до этого уж существовала традиция этнолингвистических исследований и анализа устных текстов разных языков, одним из наиболее известных представителей которой был основатель школы американской этнолингвистики, этнолог и лингвист Франц Боас (1858-1942). В этой связи необходимо упомянуть чешскую лингвистическую школу, созданную чешским лингвистом Вилемом Матезиусом (1882-1945), приоритетным направлением которой было исследование коммуникативной организации текста.

Впервые «дискурс» был введен в научную теорию лингвистики текста как лингвистический термин в словосочетании «анализ дискурса» в 1952 году американским учёным З. Харрисом¹ В своей статье З. Харрис отразил своё понимание фразы, рассматривая её как простое высказывание, а дискурс называл сложным высказыванием, состоящим из нескольких фраз. Ж. Коке, вслед за З. Харрисом, определил дискурс как «трансфразовое измерение языка». Таким образом, понятие «дискурс», заимствованное из структурной лингвистики, получает в конце XX века все более широкую научную интерпретацию и терминологическую многозначность, в лингвистике и семиотике появилась новая дисциплина – дискурсивный анализ [62].

Французские семиотики Г. Греймас и Ж. Куртес находят как сходство, так и различие между дискурсом и языком и речью. По их мнению, с речью дискурс сближает то, что он также является процессом и деятельностью.

¹ Данное утверждение является общепринятым в научном сообществе, тем не менее, как отмечает А.А. Кибрик, одна из ранних работ, где была заявлена данная тенденция, была опубликована 60 лет назад [43].

Однако, в отличие от речи дискурс предполагает систему, он обладает свойством целостности, имеет внутреннюю организацию и форму, к нему применимы понятия вида, жанра и стиля. Свойство системности хотя и сближает дискурс с языком, всё же, язык является универсальной абстрактной микросистемой, а дискурс представляет собой конкретную мини-систему и рассматривается как речь, наделенная социокультурным измерением, или как язык, преобразованный говорящим субъектом и включенный в конкретный социокультурный контекст, или речь, погружённую в жизнь.

Первоначально термин дискурс, как продукт функционально-коммуникативного подхода, использовался в значении близком к тому, в каком в русской лингвистике бытовал термин "функциональный стиль", т. е. в значении речи или языка. Причина того, что при широко используемом термине "функциональный стиль" потребовался другой – "дискурс", заключалась в особенностях национальных лингвистических школ, но не в самом предмете исследования. В то время в русской школе языкознания (труды академика В.В. Виноградова и Г.О. Винокура) "функциональный стиль" означал не только особый тип текстов, например, разговорных, бюрократических, газетных и т. д., но также и соответствующую каждому типу лексическую систему и свою грамматику. При сравнении русской и англосаксонской традиции анализа текста мы не находим ничего подобного в силу того, что англосаксонская школа не выделяла стилистику в особую отрасль языкознания.

Англо-саксонские лингвисты рассматривали дискурс нетрадиционно, как особый текст. С их точки зрения дискурс обладал всеми присущими текстам особенностями и должен рассматриваться именно как текст. В этой связи Э. Бенвенист, который ввел термин «дискурс» в лингвистику, определяет дискурс как речь, присваиваемую говорящим, в противоположность повествованию, которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания [6, С.129].

Значительно позже представители англосаксонской лингвистической школы осознали, что дискурс – это не столько присущая тексту особенность, сколько некая стоящая за этой особенностью система, прежде всего грамматика [12, С.154].

Как уже было отмечено выше, термин анализ дискурса (discourse analysis) был впервые использован в 1952 г. З. Харрисом Тем не менее, оформление дискурсивного анализа как особого направления в лингвистике относится скорее к 1970-м годам. В это время были опубликованы важные работы представителей европейской школы лингвистики текста (Т.А. ван Дейк, В. Дресслер, Я. Петефи и др.) и основополагающие работы

американских лингвистов, связывающие дискурсивные исследования с более традиционной лингвистической тематикой (У. Лабов, Дж. Граймс, Р. Лонгейкр, Т. Гивон, У. Чейф). В 1980-1990-х годах появились обобщающие труды по теории дискурса, справочники и учебные пособия – такие как 'Дискурсивный анализ' (Дж. Браун, Дж. Юл, 1983); 'Структуры социального действия: Исследования по анализу бытового диалога' (под редакцией Дж. Аткинсона и Дж. Херитиджа, 1984); четырехтомный 'Справочник по дискурсивному анализу' (под редакцией Т.А. ван Дейка, 1985); 'Описание дискурса' (под редакцией С. Томпсон и У. Манна, 1992); 'Транскрипция дискурса' (Дж. Дюбуа и др., 1993); 'Дискурсивные исследования' (Я. Ренкема, 1993); 'Подходы к дискурсу' (Д. Шиффрин, 1994); 'Дискурс, сознание и время' (У. Чейф, 1994); двухтомный труд 'Дискурсивные исследования: Междисциплинарное введение' (под редакцией Т.А. ван Дейка, 1997).

Одно из первых описаний дискурса было предпринято франко-швейцарским лингвистом и культурологом Патриком Серио "Анализ советского политического дискурса" [59].

П. Серио предваряет свое исследование описанием последствий воздействия на русский язык "советского способа оперирования с языком", которое стало возможным на протяжении десятилетий советского строя.

По мнению П. Серио, то, что образовалось в русском языке, должно быть названо особым термином – "дискурс". П. Серио определил дискурс как социально или идеологически ограниченный тип высказывания [33, С. 92]. В рамках данного подхода к определению дискурса, термин «дискурс» часто употребляется для обозначения системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции.

Ю.С. Степанов соглашается с П. Серио и несколько уточняет это лингвистическое явление: дискурс – это первоначально особое использование языка, в данном случае русского, для выражения особой ментальности, в данном случае также особой идеологии; особое использование влечет активизацию некоторых черт языка и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики. И, в конечном счете, в свою очередь создает особый "ментальный мир" [36, С.38]

П. Серио выделяет восемь значений термина «дискурс»: 1) *эквивалент понятия «речь»*, т. е. любое конкретное высказывание; 2) *единица, по размерам превосходящая фразу*; 3) *воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации*; 4) *беседа как основной тип высказывания*; 5) *речь с позиции говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позиции*; 6) *употребление единиц языка, их речевая*

актуализация; 7) социально или идеологически ограниченный тип высказываний, характерный для определенного вида социума; 8) теоретический конструкт, предназначенный для исследований производства текста [34, С.26-27].

Эти категориальные признаки – «язык в живом общении» и связь с «человеком говорящим» – легли в основу понимания дискурса в европейской и русской научных школах.

Т.А. ван Дейк, нидерландский лингвист, один из пионеров теории текста², теории речевых актов и анализа дискурса, рассуждает о дискурсе как о высказывании, содержание и форму которого определяют когнитивные установки (фреймы) [13, С.70-98]. В то же время исследователь отмечает, что «понятие дискурса так же расплывчато, как понятие языка, общества, идеологии. Мы знаем, что зачастую наиболее расплывчатые и с трудом поддающиеся определению понятия становятся наиболее популярными» [13, С.46].

Ценность модели дискурса, предложенной Т.А. ван Дейком, состоит в выявлении «коммуникативного события» как сложного единства языковой формы, значения и действия [13, С.46].

С позиций функционального подхода Т.А. ван Дейк определяет дискурс как коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие.

Именно понимание дискурса, предложенное Т.А. ван Дейком, впоследствии широко вошло в научный оборот и особенно активно используется в отечественных разработках понятия дискурс.

В настоящее время в России сложились две наиболее активные перспективы аналитики дискурса: «московская» и «волгоградская».

Московское направление представлено трудами В.И. Тюпы и его коллег по журналу «Дискурс». Они продолжают определение дискурса в парадигме Т.А. ван Дейка: дискурс – «коммуникативное событие». Представители московского направления различают три аспекта дискурса: креативный (субъект коммуникативной инициативы – автор), референтный (предметно-смысловая сторона высказывания) и рецептивный (адресат) [39, С.24.]. Определение дискурса как стратегии культуры подразумевает равнодействие этих трех векторов. Такая аналитика направлена на воссоздание авторского эйдоса, «образа мира», и учитывает не только авторские стратегии письма, но и стратегии чтения. По мнению

² Понятие текст рассматривается как языковое произведение неограниченной длины.

представителей московского направления ключом к пониманию дискурса как лингвистического феномена является его интерактивный характер. Соответственно, для исследователя будут актуальными проблемы соотношения значения и индивидуального речевого смысла и проблема идеального, имплицитного читателя, прогнозируемого дискурсом.

Волгоградская школа опирается на определение дискурса, данное Н.Д. Арутюновой: дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий в взаимодействии людей, в механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [2, С.136-137]. Волгоградские ученые описывают дискурс, совмещая социолингвистические позиции анализа с лингвистикой текста. Типология дискурсов, предложенная волгоградской школой, связана с критериями передачи знания, оперированием знаниями особого рода (выделяются религиозный, педагогический, деловой и др. дискурсы), что позволяет говорить о дискурсивном анализе волгоградской школы как о «лингво-социальном» [42, С.9.].

Термин *дискурс*, в интерпретации представителей Волгоградской школы как речь, «погруженная в жизнь», не относится к древним текстам, связи которых с живой жизнью не могут быть установлены [2, С.137]. Тем не менее, последние тенденции к применению методологии дискурс-анализа и самого термина *дискурс* к языковому материалу разной культурно-исторической отнесенности, например, Библейским текстам и апокалиптической литературе, а также произведениям литературы, текстам массовой культуры, психоанализу, предполагают такую соотнесённость.

Таким образом, московская и волгоградская школы представляют два основных научных направления по изучению дискурса в России.

Ниже в таб. 1 представлены основные научные направления в исследовании дискурса в России и возможность понять существующие в московской и волгоградской научных школах различия в подходах к определению дискурса, а также в постановке проблемы и рассматриваемых аспектах дискурса.

Основные научные направления в исследовании дискурса в России.

Московская школа (В.И. Тюпа)

Волгоградская школа (Н.Д. Арутюнова)

Определение дискурса:

Определяют дискурс как «коммуникативное событие» [по Т.А. ван Дейку]

Определяют дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий в взаимодействии людей, в механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [2, С.136-137]

Рассматриваемые аспекты дискурса:

три аспекта дискурса:
- креативный (субъект коммуникативной инициативы – автор);
- референтный (предметно-смысловая сторона высказывания); и
- рецептивный (адресат) [39, С.24.].

два аспекта дискурса:
- коммуникативный (дискурс как социальное действие, поэтому важными оказываются экстралингвистические данные); и
- когнитивный (дискурс как механизм сознания)

Рассматриваемые проблемы:

- проблема соотношения значения и индивидуального речевого смысла; и
- проблема идеального, имплицитного читателя, прогнозируемого дискурсом;

- создание типологии дискурса;
- «лингво-социальный» дискурсивный анализ [42, С.9.]:
социолингвистические позиции анализа дискурса + лингвистика текста

Теория речевых жанров М.М. Бахтина:
«Каждое конкретное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами», и далее продолжает:
«В каждой сфере деятельности вырабатывается целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и ускорения данной сферы» [4, С. 249-250.]

Важно: Представленные в этих школах трактовки термина «дискурс» не вступают в противоречие друг с другом, но дополняют друг друга, раскрывая сущность дискурса наиболее полно с точки зрения разных наук.

Вместе с тем, во многих функционально ориентированных исследованиях видна тенденция к противопоставлению дискурса и текста по

ряду оппозитивных критериев: *функциональность — структурность, процесс — продукт, динамичность — статичность* и *актуальность — виртуальность*. Соответственно, различаются структурный *текст-как-продукт* [48, С.24] и функциональный *дискурс-как-процесс* [53, С.25]

Дальнейшие рассуждения на эту тему, достаточно близкие по смыслу третьему определению дискурса, данному Д. Шифрин, позволяют принять точку зрения на текст как на абстрактный теоретический конструкт, реализующийся в дискурсе так же, как предложение актуализуется в высказывании (*sentence vs utterance*), что рассматривается как один из способов теоретически связать форму с функцией. Другие исследователи экстраполируют такое понимание на целый ряд категорий: грамматисты говорят об *узусе, предложении, локуции, тексте, когезии*; в то время как представители дискурс-анализа имеют дело с *употреблением, высказыванием, иллокуцией, дискурсом, когеренцией* [51, С.9]:

Таблица 2.

Категории грамматики и дискурс-анализа.

Категория грамматики	применение	предложение	локуция	текст	связность
	↕	↕	↕	↕	↕
Категория дискурс-анализа	использование	высказывание	иллокуция	дискурс	целостность

По выражению Дж. Лича, *текст* реализуется в *сообщении*, посредством которого осуществляется *дискурс*: «*discourse by means of message by means of text*» [56, С.59]. Таким образом, в сложившихся рядах понятий *предложение* и *текст* отходят к первому, а ко второму, соответственно, – *высказывание* и *дискурс*. Если принять во внимание, что первый принадлежит уровню языка, а второй – языкового общения, то подобное разграничение приобретает смысл и оказывается методологически полезным.

Далее, необходимо отметить, что определение Н.Д. Арутюновой выделяет два аспекта анализа дискурса: коммуникативный (дискурс как социальное действие, поэтому важными оказываются экстралингвистические данные) и когнитивный (дискурс как механизм сознания). В.В. Савельева в связи с этим рассматривает дискурс как особую лингвистическую и социокультурную данность, которая позволяет реконструировать ментальность «художественного мира» того или иного автора, с которой взаимодействует ментальность адресата. Таким образом, по мнению исследователя «дискурсивный анализ становится исследованием ментальных пространств

людей, выступающих в разных ролях в осуществлении разных типов дискурсивной деятельности и использующих особые средства для гармонизации этой деятельности, приобретая статус особого мира, в котором действуют свои правила истинности, свои законы – «художественного мира» [32], что позволяет наряду с лингвосоциальным выделить в анализе дискурса такой важный аспект как лингвокогнитивный.

Теория речевых жанров М.М. Бахтина также является лингво-социальным анализом дискурса ³. М.М. Бахтин пишет: «Каждое конкретное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами», и далее продолжает: «В каждой сфере деятельности вырабатывается целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и ускорения данной сферы» [5, С.249-250.]. Социолингвистическая ориентация М.М. Бахтина отражена в его положении о речевых жанрах как о порождениях сферы использования языка.

Таким образом, обзор различных направлений в изучении дискурса приводит нас к выводу о том, что существуют различные трактовки термина «дискурс», но они не вступают в противоречие друг с другом, а дополняют друг друга, раскрывая сущность дискурса наиболее полно с точки зрения разных наук.

В настоящее время междисциплинарный характер дискурса обусловил обращение к нему представителей различных научных дисциплин во всем мире. Термин широко востребован и используется с целью систематизировать основные принципы анализа текста.

Наиболее отчетливо выделяются три основных класса употребления термина «дискурс», соотносящихся с различными национальными традициями и вкладами конкретных исследователей этого лингвистического феномена.

К *первому классу* относятся лингвистические употребления дискурса. Собственно лингвистические употребления термина «дискурс» сами по себе весьма разнообразны, но в целом за ними просматриваются попытки уточнения и развития традиционных понятий речи, текста и диалога.

Второй класс употреблений термина «дискурс», который в последние годы вышел за рамки науки и стал популярным в публицистике, восходит к французским структуралистам и постструктуралистам и, прежде всего, к М. Фуко. За этими употреблениями просматривается стремление к уточнению

³ Сам М.М. Бахтин не использовал термин «дискурс», этот термин появляется в заголовках английских переводов работ М.М. Бахтина, например, его статья «Из предистории романного слова» переведена как «From the Prehistory of Novelistic Discourse» («Из предистории романного дискурса»), статья «Слово в романе» – «Discourse in the Novel» («Дискурс» (речь) в романе») и т. д.

традиционных понятий стиля. Понимаемый таким образом термин «дискурс» описывает способ порождения текста и обязательно имеет определение – КАКОЙ или ЧЕЙ дискурс.

Третье употребление термина «дискурс» связано с именем немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса В этом третьем понимании термина «дискурсом» называется особый идеальный вид коммуникации, осуществляемый в максимально возможном отстранении от социальной реальности, традиций, авторитета, коммуникативной рутины и т. п. и имеющий целью критическое обсуждение и обоснование взглядов и действий участников коммуникации или «дискурс рациональности».

Таблица 3.

Три основных класса употребления / понимания термина «дискурс».

Первый класс	Понимание и употребление дискурса, связанное непосредственно с лингвистикой.	
Второй класс	За этим пониманием и употреблениями дискурса просматривается стремление к уточнению традиционных понятий стиля. Описывается способ порождения текста и обязательно даётся определение – КАКОЙ или ЧЕЙ дискурс	Такое понимание восходит к французским структуралистам и постструктуралистам и, прежде всего, к М. Фуко
Третий класс	Под дискурсом понимают особый идеальный вид коммуникации, осуществляемый в максимально возможном отстранении от социальной реальности, традиций, авторитета, коммуникативной рутины и т. п. и имеющий целью критическое обсуждение и обоснование взглядов и действий участников коммуникации или «дискурс рациональности».	Такое понимание связано с именем немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса

Собственно *первый класс* употребления дискурса, а именно лингвистические употребления термина «дискурс», и являются предметом нашего интереса.

Т.М. Николаева в своем 'Словарике терминов лингвистики текста' (1978 г.) предложила определить дискурс как "многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по

смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная" [30, С.467].

В.З. Демьянков в словаре 'Англо-русских терминов по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста' [10] дал обобщающее описание того, что представляет собой 'грамматика' и, шире, 'мир дискурса'. В.З. Демьянков писал: "Discourse – дискурс, произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который 'строится' по ходу развертывания дискурса. Исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т. п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и 'не-события', т. е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников событий; г) информация, соотносящая дискурс с событиями" [10, С.7].

По мнению некоторых ученых это лучшее из всех определение дискурса показывает, что для понимания того, что такое дискурс, мы нуждаемся не столько в общих рекомендациях сколько в хороших описаниях дискурсов, без которых не может быть продвинута теория дискурса.

Выше уже было представлено определение дискурса, данное Н.Д. Арутюновой в 1990 г. В 'Лингвистическом энциклопедическом словаре' учёный определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте... Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь»» [2, С.136-137].

Н.Н. Миронова, следуя учению о дискурсе, предложенному Т.А. ван Дейком, определяет дискурс как речевой поток или язык в его постоянном движении, вбирающий в себя все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура как национальная, так и индивидуальная, частная [29, С.9].

В.Е. Чернявская понимает дискурс как конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве [40].

Е.С. Кубрякова отмечает, что «под дискурсом следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму [24, С.164].

Г.Г. Слышкин рассматривает дискурс как концепт и определяет: «Как и всякий артефакт культуры, любая единица языка или речи может служить основной для образования в коллективном сознании лингвокультурного концепта. Это касается и дискурса... Дискурс будет являться объектом, а концепт – инструментом анализа» [37, С.38-39].

А.А. Кибрик даёт своё определение: «Понятие «дискурс» понимается как единство двух сущностей – процесса языковой коммуникации и получающегося в ее результате объекта, т. е. текста. Благодаря такому двуединству, дискурс можно изучать и как разворачивающийся во времени процесс, и как структурный объект. «Дискурс» – это максимально широкий термин, включающий все формы использования языка» [21, С.3].

Интересна трактовка понятия дискурс, предложенная С.В. Коломиец. Она рассматривает дискурс как междисциплинарную лингвистическую категорию, которая представляет собой сложный и многозначный объект исследования. Сложность дискурса, по её мнению, заключается в том, что дискурс представляет собой явление промежуточного характера между речью и общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом с другой стороны. Поэтому дискурс необходимо рассматривать с позиции не только *лингвистики* [по В.И. Карасику], но и *социолингвистики*, *прагмалингвистики*, *лингвофилософии*.

С позиций *лингвофилософии* дискурс – это конкретизация речи в различных модусах человеческого существования, поэтому необходимо выделение делового и игрового регистров дискурса; назначение первого – ориентировать человека в реальном мире, назначение второго – освобождение человека от детерминизма природы и себе подобных (в таком понимании игровой дискурс – это пространство творческого порождения и восприятия художественных произведений).

С позиции *социолингвистики* дискурс – это общение людей, рассматриваемое с позиции их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеведенческой ситуации.

С позиции социолингвистики выделяются два основных типа дискурса: *персональный* и *институциональный*. В основу такой типологии положено противопоставление личностно-ориентированного и статусно-ориентированного дискурса.

С позиции *прагмалингвистики* на первый план в изучении дискурса выдвигаются признаки способа и канала общения. По способу общения противопоставляются информативный и фасцинативный, содержательный и фатический, несерьезный и серьезный, ритуальный и обыденный, протоколируемый и непротоколируемый типы дискурса; по каналу общения – устный и письменный, контактный и дистантный, виртуальный и реальный типы дискурса. С.В. Коломиец отмечает, что определенные характеристики видов дискурса, выделяемых на прагмалингвистическом основании, взаимопересекаются. Неритуальное общение, например, может включать информирование, фасцинативный обмен текстами, фатическую и нефатическую составляющие.

По мнению В.И. Карасика «... с позиций прагмалингвистики дискурс представляет собой интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения, определение коммуникативных ходов в единстве их эксплицитного и имплицитного содержания...» [17, С. 5].

С позиции *лингвистики речи* дискурс – это процесс живого вербализуемого общения, характеризующийся множеством отклонений от канонической письменной речи, отсюда внимание к степени спонтанности, завершенности, тематической связности, понятности разговора для других людей. Помимо структурных характеристик дискурс имеет тонально-жанровые изменения. Под тональностью дискурса понимаются такие параметры как серьезность или несерьезность, обиходность или ритуальность, стремление к унисону или конфликту, сокращение или увеличение дистанции общения [17, С.232-243].

Т.В. Шмелева дополняет понимание термина «дискурс» в том, что жанровые характеристики дискурса могут рассматриваться как совокупность признаков: 1) коммуникативная цель, которая дает возможность противопоставить четыре типа речевых жанров (информативные, императивные, этикетные и оценочные); 2) образ автора; 3) образ адресата; 4) образ прошлого, т. е. ретроактивная направленность речевого события, характерная для ответа (отказа, согласия, опровержения); 5) образ будущего как выход на последующий эпизод общения (приглашение, обещание, прогноз); 6) событийное содержание; 7) языковое воплощение речевого жанра [41, С.133-145].

В.Н. Ярцева отмечает, что в *культурно-ситуативном* понимании дискурс определяется как связанный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными,

психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [по Н.Д. Арутюновой]. Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно [44, С.136-137].

С точки зрения *теории высказывания* некоторые исследователи рассматривают «дискурс» как процесс воздействия высказывания на адресата. В этом случае «дискурс» определяется как результат восприятия текста, когда воспринимаемый смысл совпадает с замыслом продуцента [23]. Е.С. Кубрякова, автор многочисленных работ в области когнитивной лингвистики, предложила следующую классификацию подходов в области изучения дискурса.

Структурно-синтаксический подход: дискурс как фрагмент текста, т. е. образование выше уровня предложения (сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое).

Структурно-стилистический подход: дискурс как нетекстовая организация разговорной речи, характеризующаяся нечетким делением на части, господством ассоциативных связей, спонтанностью, ситуативностью, высокой контекстностью, стилистической спецификой.

Коммуникативный подход: дискурс как вербальное общение (речь, употребление, функционирование языка), либо как диалог, либо как беседа, т. е. тип диалогического высказывания, либо как речь с позиции говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позиции [25].

В рамках коммуникативного подхода термин «дискурс» трактуется как «некая знаковая структура, которую делают дискурсом её субъект, объект, место, время, обстоятельства создания (производства)» [27]. Поэтому «дискурс» может быть кратко определен как «текст в ситуации реального общения» [15, С.5].

В современных работах по лингвистике, рассматривающих коммуникативный подход, институциональный дискурс определен как общение в рамках статусно-ролевых отношений, т. е. речевое взаимодействие представителей определённых социальных групп или институтов друг с другом [17, С.245]. В этой связи необходимо отметить, что коммуникативный подход, в рамках которого дискурс рассматривается как вербальное общение, предполагает наличие у коммуниканта высокого уровня коммуникативной компетенции, которая обуславливает способность коммуниканта порождать и воспринимать дискурс.

Определение понятия «коммуникативная компетенция»

Проблемам формирования и развития коммуникативной компетенции в процессе обучения языку посвящены работы многих отечественных и зарубежных ученых (М.Н. Вятютнев, И.А. Зимняя, Н.И. Гез, Е.И. Пассов, И.Л. Бим, В.В. Сафонова, Дж. Савиньон, Г. Пифо, Д. Хаймз, Д. Равен и др.).

Модель, предложенная в документе Совета Европы («Key competencies for Europe»), определяет иноязычную <...> коммуникативную компетенцию как сложную структуру, которая состоит из трех компонентов: лингвистического, социолингвистического и прагматического, где *лингвистический компонент* включает фонологические, лексические, грамматические знания и умения; *социолингвистический компонент*, определяемый социокультурными условиями использования языка, представляет собой связующее звено между коммуникативной и другими компетенциями; и, наконец, *прагматический компонент* помимо общих компетенций включает экстралингвистические элементы, обеспечивающие общение (мимика, жестикация и др.) В контексте «Общевропейских компетенций владения иностранным языком» [45] в иноязычной коммуникативной компетенции зарубежные исследователи выделяют от трех до шести базовых компонентов. Ян Ван Эк выделяет такие компоненты как: *лингвистический, социокультурный, социолингвистический, стратегический, дискурсивный, социальный*, четыре компонента описывает Дж. Савиньон: *грамматический, социолингвистический, компенсаторный и компетенцию речевой стратегии*.

Таким образом, понятие «коммуникативная компетенция» можно определить как способность личности к порождению дискурса, т. е. целенаправленного структурированного, целостного и завершенного устного и / или письменного высказывания, соотнесенного со средой речевого общения, целевой аудиторией и детерминированного социальными, культурными нормами речевого поведения.

Представленные выше определения дискурса способствуют нашему пониманию уровня и качества дискурсивной компетенции коммуниканта, формирование которой, по мнению исследователя И.В. Салосиной, является одной из целей обучения языку.

Термин дискурсивная компетенция трактуется исследователем как способность породить дискурс, т. е. использовать и интерпретировать формы слов и их значения для порождения текстов, демонстрировать владение навыками организации языкового материала в связный, целостный и завершенный текст.

Речевое взаимодействие между коммуникантами часто затруднено в силу существенных различий культурного, образовательного и

национального характера. Понимание законов дискурса, особенностей того или иного жанра дискурса, способность к порождению и восприятию дискурса адекватного контексту коммуникационной среды, умение выделить прагматический аспект высказывания, по нашему мнению, являются необходимыми условиями для успешного речевого взаимодействия. М.Л. Макаров отмечает, что «коммуникативная стратегия всегда отличается гибкостью и динамикой, непосредственно зависит от речевых действий оппонентов и от постоянно пополняющегося и изменяющегося контекста дискурса» [28, С.194].

В этой связи интересными, с точки зрения речевой стратегии, представляются выводы американского исследователя Р. Каплана [54, С.16], опубликованные в 1966 году в работе, где он устанавливает прямую взаимосвязь между мыслями и их языковым выражением и выделяет 5 типичных способов построения текстов, по сути – дискурсов, которые находятся в прямой зависимости от языковых групп: 1) англосаксонская, 2) семитская, 3) восточная, 4) романская, 5) русская.

Схема стратегий порождения высказывания [по Р.Каплану]

Лингвокультурная основа стратегий порождения текстов может быть самой разнообразной, но так или иначе, каждая стратегия порождения письменного или устного высказывания преследует цель оформить такое высказывание структурно, придать ему целостность и завершённость.

Дискурсивные законы

Говоря о закономерностях дискурса необходимо отметить, что на процесс порождения дискурса оказывают влияние экстралингвистические принципы осуществления коммуникации, которые Г.П. Грайс [9, С.221], известный лингвист и философ, называет принципами общения, а некоторые французские исследователи (О. Ducrot, С. Kerbrat-Orecchioni, D. Maingueneau и др.) – дискурсивными законами. Эти законы сведены к совокупности норм, которые собеседники обязаны соблюдать с момента начала коммуникации. К дискурсивным законам относятся:

- *стремление к сотрудничеству*: каждый из собеседников прикладывает усилия к тому, чтобы их совместная вербальная

деятельность, где все имеют определенные права и обязанности, оказалась в итоге успешной;

- *соответствие высказывания*: оно должно быть максимально приближено к контексту коммуникационной среды и интересным для участников коммуникации;
- *достоверность*: сообщаемая информация должна соответствовать реалиям коммуникационной среды;
- *информативность*: дискурс обязан содержать новую для собеседника информацию; нельзя говорить только для того, чтобы что-нибудь сказать;
- *качество*: формулировки должны быть ясными и экономными.

Следовательно, наиболее важные характеристики дискурса могут быть определены как:

- 1) целостность (структурированность и обособленность);
- 2) законченность или завершенность;
- 3) композиционная оформленность;
- 4) принадлежность к определенному регистру и жанру;
- 5) экстралингвистический аспект (или направленность на реализацию определенной коммуникативной цели, соотнесенность с участниками коммуникации и контекстом коммуникационной среды).

Следует отметить, что некоторые из перечисленных характеристик, например, связность, целостность, завершенность и др., свойственны всем речевым произведениям (текстам). Но экстралингвистический аспект свойственен только дискурсу. Именно этот отличительный признак дискурса позволяет порождать / воспринимать культурно, социально, профессионально ориентированные речевые высказывания / действия.

Регистры дискурса

Различают два регистра дискурса [по В.И. Карасику]:

- деловой (утилитарный) или институциональный и
- игровой дискурс.

Как было сказано выше, В.И. Карасик [17, С.277], изучая дискурс с позиции лингвофилософии, рассматривает его как процесс конкретизации речи в различных модусах человеческого существования и приписывает дискурсу своеобразную категорию стилистического маркирования, что позволяет ему выделить деловой (утилитарный) или институциональный и игровой регистры дискурса. Назначение первого – ориентировать человека в реалиях окружающего мира, назначение второго – освободить человека от детерминизма природы и себе подобных, от речевого лицедейства,

опрокинуть устоявшиеся стереотипы восприятия окружающей действительности и социального поведения. Таким образом, игровой дискурс рассматривается как пространство творческого порождения и восприятия художественных произведений.

М.Ю. Олешков выделяет следующие системообразующие признаки объективно присущие институциональному дискурсу: статусно квалифицированные участники, локализованный хронотоп, конвенционально организованная в рамках данного социального института цель, ритуально зафиксированные ценности, интенционально «закрепленные» стратегии (последовательности речевых действий в типовых ситуациях), ограниченная номенклатура жанров и жестко обусловленный арсенал прецедентных феноменов (имен, высказываний, текстов и ситуаций) [31, С.123].

Именно институциональный дискурс рассматривается как инструмент для создания соотнесенной с целевой аудиторией и местом коммуникационной среды, так как системообразующие признаки институционального дискурса отражают основные параметры модели / моделей разноориентированной коммуникации. Институциональный дискурс включает такие жанры как академический или научный, научно-публицистический, политический, экономический, инженерно-технический, педагогический, медицинский, рекламный, разговорный и т. д.

Из вышеперечисленных жанров, которые были выделены в соответствии с социолингвистическими признаками, в настоящее время наиболее активно анализируются политический (Купина, 1995; Баранов, 1997; Базылев, 1997; Серио, 1999; Гудков, 1999; Шейгал, 2000; Чудинов, 2001 и др.), а также медийный дискурс (Алещанова, 2000; Гусева, 2000; Майданова, 2000; Ягубова, 2001); рассматриваются различные аспекты рекламного дискурса (Пирогова, 1996; Анопина, 1997; Денисова, 2002); научный дискурс является отдельным объектом изучения (Васильев, 1998; Яцко, 1998); исследователи предпринимали попытки выделить характеристики педагогического дискурса (Карасик, 1999; Коротева, 1999); получили развитие исследования, целью которых является лингвистическое описание религиозного дискурса (Крысин, 1996; Крылова, 2000).

По мнению исследователей институциональный дискурс содержит широкий спектр возможностей для систематизации функции общения. С точки зрения институционального дискурса общественные институты рассматриваются как культуры, выражением которых является организационный символизм (мифы, истории, шутки, ритуалы, логотипы и т. д.), что в некоторой степени, по мнению Р. Водак [61] «закрепляет отношения власти» (например, власть врача над пациентом, учителя над школьником, офицера над рядовым и т. п.).

Анализ данных, полученных при противопоставлении личностно-ориентированного общения статусно-ориентированному, позволяет В.И. Карасику сделать вывод о том, что, что в статусно-ориентированном общении коммуниканты, выступая в качестве представителей определенных групп людей (начальник и подчиненный, клиент, пациент, пассажир, прихожанин, ученик и т. д.), могут реализовать себя только в ограниченном наборе ролевых характеристик [17, С. 290-291].

По мнению Р. Водак, институциональный дискурс не сводится только к одному типу дискурса, но представляет собой сложную совокупность различных взаимосвязанных или конфликтующих между собой дискурсов в рамках заданной обстановки (setting) [61, С.12], что в наибольшей степени отражает реалии коммуникационной среды или «общественной практики».

Таблица 4.

Регистры дискурса [по Карасику В.И.]

Игровой	Деловой (утилитарный) или институциональный
<p>Назначение игрового дискурса – освободить человека от детерминизма природы и себе подобных, от речевого лицедейства, опрокинуть устоявшиеся стереотипы восприятия окружающей действительности и социального поведения.</p> <p>Таким образом, игровой дискурс рассматривается как пространство творческого порождения и восприятия художественных произведений.</p>	<p>Назначение институционального дискурса – ориентировать человека в реалиях окружающего мира.</p>

Таблица 5.

Системообразующие признаки объективно присущие деловому (утилитарному) или институциональному регистру дискурса

М.Ю. Олешков	<ul style="list-style-type: none"> - статусно квалифицированные участники, - локализованный хронотоп, - конвенционально организованная в рамках данного социального института цель, - ритуально зафиксированные ценности, - интенционально «закрепленные» стратегии (последовательности речевых действий в типовых ситуациях), - ограниченная номенклатура жанров и жестко обусловленный арсенал прецедентных феноменов (имен, высказываний, текстов и ситуаций)
В.И. Карасик Р. Водак	<p>Наделяет институциональный дискурс широким спектром возможностей для систематизации функции общения.</p> <p>По их мнению, дискурс представляет собой сложную совокупность различных взаимосвязанных или конфликтующих между собой дискурсов в рамках заданной обстановки.</p>

При этом, нормы институционального дискурса отражают этнические ценности социума в целом и ценности определенной общественной группы, образующей данный институт.

Таким образом, дискурс является образцом реализации определенных коммуникативных интенций, часто профессионально-ориентированных интенций, выраженных различными языковыми и неязыковыми средствами. При этом адекватность речевого поведения коммуникантов⁴ оценивается успехом или неудачей речевого взаимодействия и, как следствие, достижением или не достижением цели коммуникации. Дискурсивная компетенция, в этом случае, является важным компонентом коммуникативной компетенции и включает конкретные сферы, ситуации и темы общения, профессионально-ориентированные тексты, языковые, страноведческие и социо-культурные знания, сообразные различным коммуникационным средам навыки и умения речевого общения, коммуникативные и интеллектуальные умения.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что успешный процесс коммуникации, или речевого взаимодействия, обусловлен способностью порождения и восприятия дискурса, поэтому формирование дискурсивной компетенции должно происходить через процесс освоения различных регистров, модусов и жанров дискурса для решения сложных коммуникативных задач как профессионального, так и социального, мировоззренческого и личностного характера.

С позиции компетентностного подхода определение дискурса как лингвистического феномена может быть сформулировано следующим образом: дискурс – процесс осмысления окружающей действительности с последующим профессионально-, социально-, культурно-ориентированным речевым взаимодействием, которое соотнесено с участниками, местом и временем коммуникации. Такое речевое взаимодействие характеризуется как композиционно оформленное, целостное, завершённое и содержащее экстралингвистический компонент, адекватный контексту созданной (профессионально-, социально-, культурно-ориентированной) коммуникационной среды (определение автора).

Структура дискурса

Исследователи различают два основных уровня структуры дискурса – *глобальный* и *локальный*. *Глобальная* структура или макроструктура охватывает наиболее крупные составляющие дискурс единицы, например, если речь идет о газетной статье – абзацев. *Локальная* структура или

⁴ Коммуникант – адресат или реципиент; человек, получающий сообщение и определенным образом реагирующий на него.

микроструктура – это структура, состоящая из минимальных единиц, которые имеет смысл относить к собственно дискурсивным. В настоящее время среди исследователей широко распространена точка зрения о том, что минимальной дискурсивной единицей является предикация (клауза) [20].

Глобальная и локальная структура не разделены жестко, напротив, они могут быть представлены как два полярных уровня единой иерархической структуры дискурса. Одна из наиболее продвинутых концепций иерархической структуры дискурса, позволяющая единым образом описать глобальную и локальную структуру представлена в рамках теории риторической структуры У. Манна и С. Томпсон [58].

Исследованиями, связанными с изучением макроструктуры дискурса, занимались Е.В. Падучева, Т.А. ван Дейк, Т. Гивон, Э. Шеглофф, А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин и др.

Также, важный аспект глобальной структуры дискурса был отмечен американским психологом Ф. Бартлеттом в книге 'Память' (Remembering), опубликованной в 1932 г. Ф. Бартлетт обнаружил, что человек при вербализации прошлого опыта, как правило, обращается к своим стереотипным представлениям об окружающей его действительности. Такие стереотипные представления или фоновые знания Ф. Бартлетт называл схемами.

Впоследствии, в 1970-х, американские специалисты в области искусственного интеллекта предложили термины «фрейм» (М. Минский) и «скрипт» (Р. Шенк и Р. Абельсон). «Фрейм», как его описывают исследователи, в большей степени относится к статическим структурам, а «скрипт» – к динамическим, хотя сам Минский М. предлагал использовать термин «фрейм» и для динамических стереотипных структур. Следует отметить, что большинство исследователей не рассматривают понятия «скрипт» и «сценарий» как различные. Русские исследователи, как правило, более широко используют термин «сценарий».

В противоположность макроструктуре, микроструктура дискурса членит дискурс на минимальные составляющие. Такими минимальными единицами считаются предикации, или клаузы. В устном дискурсе эта идея подтверждается близостью большинства интонационных единиц к клаузам. Соответственно, устный дискурс представляет собой цепочку клауз. Психолингвистические эксперименты, связанные с воспроизведением ранее полученной вербальной информации, как правило, подтверждают, что распределение информации по клаузам является относительно неизменным, но то, как клаузы объединяются в сложные предложения, характеризуется крайним непостоянством. Таким образом, понятие предложения рассматривается исследователями как менее значимое для структуры

дискурса, нежели понятие клаузы.

В теории риторической структуры (ТРС), созданной в 1980-е годы У. Манном и С. Томпсон, был предложен единый подход к описанию макро- и микроструктуры дискурса. Учёные построили свою теорию на предположении о том, что любая единица дискурса связана хотя бы с одной другой единицей данного дискурса посредством некоторой осмысленной связи. Такие связи были названы риторическими отношениями. Размер единицы дискурса, вступающей в риторические отношения, может быть различным – от максимальных (непосредственные составляющие целого дискурса) до минимальных (отдельные клаузы). Следует отметить, что дискурс имеет иерархическую структуру, и для всех уровней иерархии используются одни и те же риторические отношения.

Вопросы структуры дискурса большей частью лежат в плоскости понимания того, насколько связаны его составляющие. Глобальную и локальную связность дискурса различают подобно тому, как различают глобальную и локальную структуру дискурса. Глобальная связность дискурса обеспечивается единством темы или «топика» дискурса. Локальная связность дискурса представлена отношениями между минимальными дискурсивными единицами и их частями. Американский лингвист Т. Гивон выделяет четыре типа локальной связности: *референциальную* (тождество участников), *пространственную*, *временную* и *событийную*, которая является предметом исследования в ТРС.

Таблица 6.

Структура дискурса	
глобальный уровень или макроструктура	локальный уровень или микроструктура
Охватывает наиболее крупные составляющие дискурс единицы, например, абзац, если речь идет о газетной статье.	Минимальной дискурсивной единицей является предикация (клауза).
Важный аспект глобальной структуры дискурса заключается в обращении к схемам или стереотипным представлениям об окружающей человека действительности или фоновым знаниям при вербализации прошлого опыта (Ф. Бартлетт)	Важный аспект локальной структуры заключается в том, что распределение информации по клаузам является относительно неизменным, но то, как клаузы объединяются в сложные предложения, характеризуется крайним непостоянством. Таким образом, понятие предложения на локальном уровне рассматривается как менее значимое для структуры дискурса, нежели понятие клаузы (У. Чейф).
Схема = фрейм / скрипт, где фрейм (Минский М.) в большей степени относится к статическим структурам; а скрипт (Р. Шенк и Р. Абельсон) – к динамическим.	Клауза = интонационная единица (И.Е.)

У. Манн и С. Томпсон создали в 1980-е годы теорию риторической структуры (ТРС) и предложили единый подход к описанию макро- и микроструктуры дискурса.

Макро- и микроструктуры дискурса связаны между собой риторическими отношениями.

Глобальная связность дискурса обеспечивается единством темы или «топика» дискурса.

Локальная связность дискурса представлена отношениями между минимальными дискурсивными единицами и их частями. Американский лингвист Т. Гивон выделяет четыре типа локальной связности: референциальную (тождество участников), пространственную, временную и событийную

Очевидно, что определение дискурса в контексте анализа языковых явлений требует определения его минимальных единиц. Таковыми обычно признаются высказывание или фраза, входящие в диалогическое единство (устный модус дискурса), либо единство сверхфразовое (письменный модус дискурса). Есть и единицы более высокого порядка: коммуникативный эпизод (фрагмент) и дискурсивное событие (текст). Макаров предлагает довольно-таки различную терминологию [28, С. 180-190], тем не менее, учёный, как и другие, следует трём основным ступеням анализа: высказывание – объединенная по дискурсивным параметрам группа высказываний – тематическое единство высказываний.

В нижеприведенной таблице исследователь В.Б. Кашкин предпринимает попытку структурировано сопоставить единицы анализа письменного и устного модуса дискурса и определить наименование соответствующего уровня анализа [19].

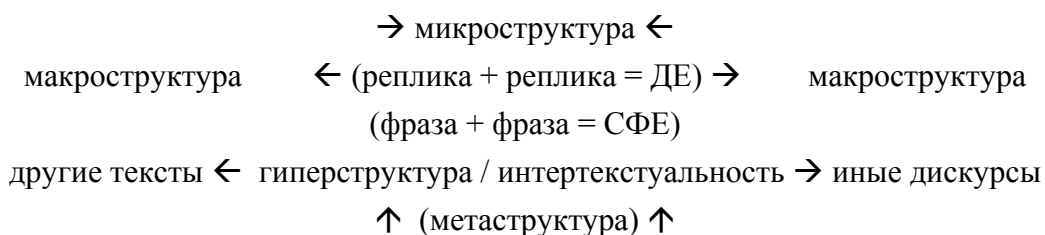
Таблица 7.

ЕДИНИЦЫ АНАЛИЗА ДИСКУРСА

Уровень членения дискурса	Единицы устного модуса дискурса	Единицы письменного модуса дискурса
<i>стратегический</i>	коммуникативное событие	текст
<i>топикальный</i>	коммуникативный эпизод	абзац
<i>оптимальный</i>	диалогическое единство (ДЕ)	сверхфразовое единство (СФЕ)
<i>тактический</i>	реплика, ход	сверхфразовое единство (СФЕ)
<i>минимальный</i>	высказывание	фраза, предложение
<i>дотекстовый</i>	речевой акт	речевой акт

При этом вторую ступень анализа (соединение высказываний в единство) В.Б. Кашкин рассматривает как микроуровень, а третью (все, что за пределами минимального единства) – макроуровень дискурса и предлагает следующую схему отношения уровней дискурса:

СООТНОШЕНИЕ УРОВНЕЙ ДИСКУРСА

В.Б. Кашкин полагает, что помимо микро- и макроструктуры, *гиперструктуры* текста и дискурса, необходимо выделить интертекстуальный либо интердискурсивный уровень. По его мнению, на этом уровне прослеживаются связи текста (и отдельных высказываний в нем) с иными текстами, дискурсами, дискурсивными и общественными практиками. Исследователь приходит к выводу о том, что в дискурсе прослеживается также связь не только с чужими, но и с собственными дискурсивными практиками коммуниканта, его пресуппозициями, эмоционально-психическими состояниями, отношениями, оценками, знаниями норм и правил речевого взаимодействия. В.Б. Кашкин определяет это как *метаструктуру* дискурса, уровень организации и мониторинга дискурсивных практик.

Типы (модусы) дискурса

Определяют следующие типы (модусы⁵) дискурса:

- *устный*: канал передачи – акустический;
- *письменный*: канал передачи – визуальный;
- *мысленный*: какие бы то ни было следы языковой деятельности человека (акустические, графические) отсутствуют, так как одно и то же лицо является и продуцентом, и реципиентом.

Исследователь А.А. Кибрик предлагает дополнить классификацию модусов дискурса ещё двумя:

- *жестовый*: основан на визуальном взаимодействии между говорящим и адресатом [21, С.4].
- *электронный субмодус*: в качестве канала передачи исследователь рассматривает такие средства коммуникации как телеграмма, радиопередача, телепрограмма, телефонный разговор, общение при помощи пейджера и автоответчика, переписка по электронной почте. Этот субмодус исследователь приравнивает к устному и письменному [21, С.8].

⁵ Модус – канал передачи информации.

А.А. Кибрик придерживается мнения о том, что самое крупное противопоставление между типами дискурса – это противопоставление по модусу, или каналу передачи информации. Исходным, базовым модусом, по мнению исследователя, является *устный*, основанный на акустическом взаимодействии между говорящим и адресатом.

В.Б. Кашкин дополняет вышесказанное в том, что формальное членение дискурсного потока определяется самим ходом речевого взаимодействия коммуникантов (смена субъектов речи: говорящий / слушающий). Исследователь определяет *высказывание* (реплика в диалоге) как *минимальную единицу дискурса*, характеризующуюся сменой субъектов речи, завершенностью, жанровой оформленностью, связью с другими высказываниями диалога и целостностью. Высказывание, в первую очередь, связано с ответным высказыванием другого коммуниканта, собеседника [19]. Вслед за Т.В. Абрамовой исследователь выделяет единицу следующего уровня анализа дискурса – интеракцию, трансакцию или *диалогическое единство*. Примерами диалогического единства могут служить пары вопрос / ответ, просьба / реакция и т.п. [1]. Исследователь соглашается в том, что речевые акты в диалоге связываются вследствие отношения *иллокутивного вынуждения* [3, С.84-86]. Так, в диалогическом единстве вопрос / ответ первая реплика иллокутивно независима, а вторая – иллокутивно зависима, то она вынуждается первой, например: *А: Где ты был? Б: Пиво пил...*

А.А. Кибрик настаивает на том, чтобы был выделен особый *жестовый* модус, основанный на визуальном взаимодействии между говорящим и адресатом. Жесты, сопровождающие обычную устную речь, настолько тесно интегрированы со звуковой речью, что отделить их в особый модус вряд ли возможно. Однако, существует совершенно иной тип использования жестов – жестовые языки глухих. Очевидно, что в них визуальный канал является единственным, поэтому при таком способе взаимодействия говорить об устном модусе было бы довольно странно, учитывая этимологию слова «устный».

Учёный утверждает, что с самого начала существования языка, по-видимому, существует и *мысленный* модус, при котором человек создает внутренний дискурс, непосредственно недоступный никому другому – человек пользуется языком, не оставляя при этом никаких перцептивно доступных следов языковой деятельности. В этом случае язык также используется коммуникативно, но, при этом, одно и то же лицо является и говорящим, и адресатом. В силу отсутствия наблюдаемых следов речевого взаимодействия человека при осуществлении коммуникации с самим собой мысленный дискурс исследован гораздо меньше, чем *устный* и *письменный*. Это явление традиционно изучается не столько в лингвистике, сколько в

психологии, в частности, в широко известной монографии Л.С. Выготского «Мышление и речь» (1934).

А.А. Кибрик придерживается мнения о том, что полученные сегодня данные исследований о соотношении между *устным* модусом и *письменным* должны в будущем привести к объединению научной мысли и сконцентрироваться на исследовании *устного* и *мысленного* дискурса, поскольку два эти модуса неразрывно связаны между собой и не могут существовать один без другого.

Письменный модус, основанный на зрительном сигнале, возник в истории человечества относительно недавно по историческим меркам, около 5000 лет назад. А.А. Кибрик отмечает, что письменный язык, безусловно, более удобен в изучении, но элементарная логика требует признать, что он вторичен по отношению к *устному* модусу и является его производной.

Для исследователя очевидно, что *устный* модус – это исходная, фундаментальная и более простая форма существования языка, и *письменный* дискурс, как его производная, представляет собой более позднюю, вторичную разновидность языка с точки зрения и онтогенеза, и филогенеза. Учёный отмечает, что в современном мире некоторые языковые системы и по сей день являются бесписьменными, то есть существуют только в устной форме [21, С.4-5].

По мнению А.А. Кибрика в русистике реальное сопоставление *устного* и *письменного* модуса дискурса как альтернативных форм существования языка началось лишь в 1970-1980-е гг. при поддержке со стороны Института русского языка Академии наук по изучению русской разговорной речи, и он указывает на результаты проекта по изучению русской разговорной речи, полученные в ходе выполнения исследования под руководством Е.А. Земской [14]. Некоторые другие исследователи, такие как Б.М. Гаспаров, О.А. Лаптева, О.Б. Сиротина, также внесли свой вклад в изучение дискурсивных явлений⁶.

На русском материале Е.А. Земская и ее соавторы открыли и описали многие особенности разговорной речи. Они отмечали наряду с клишированностью разговорной речи её творческий характер, её связь с конситуацией, а также активное обращение к просодии и жестам в ходе речевого взаимодействия.

Группа Е.А. Земской (на материале русского языка) сделала вывод, который состоит в том, что русский язык представляет собой две различные системы: кодифицированный литературный язык и разговорная речь.

Исследователи дискурсивных явлений, наблюдающихся в разговорной

⁶ Термин «дискурс» в то время ещё не получил широкого распространения среди отечественных исследователей.

речи, впервые описали многие принципиально важные явления устного русского языка – например, тенденция к помещению рематических компонентов в начало синтагмы и т. д. Ранее О.А. Лаптева [26] указала на дискретность устной речи, ее порождение в виде некоей последовательности сегментов, а также на неприменимость стандартного понятия предложения к устной речи, так как различие в канале передачи информации имеет принципиально важные последствия для процессов устного и письменного дискурса. Впоследствии такой подход получил отражение в исследовании У. Чейфа [50], в котором он сопоставил два корпуса дискурсов – устный и письменный.

Первый из двух главных выводов У. Чейфа связан с разным временным режимом речи и письма. Во-первых, он отмечает, что при устном дискурсе порождение и понимание происходят синхронизированно, а при письменном – нет. При этом скорость письма (рукописного) более чем в 10 раз ниже скорости устной речи, а скорость чтения несколько выше скорости устной речи. В результате в устном дискурсе имеет место явление фрагментации: речь порождается толчками, порциями, квантами – так называемыми просодическими единицами, которые типично отделены друг от друга паузами, имеют признаки просодической завершенности и автономности (например, единый интонационный контур, наличие одного главного акцента, темповый и громкостный паттерны) и типично совпадают с простыми предикациями, или клаузами (clause). При письменном же дискурсе, утверждает У. Чейф, происходит интеграция предикаций в сложные предложения и прочие синтаксические конструкции и объединения.

Второй главный вывод У. Чейфа состоит в том, что различия устного и письменного модусов – это наличие / отсутствие контакта между говорящим и адресатом во времени и пространстве: при письменном дискурсе такого контакта, как правило, нет. При устном дискурсе, наоборот, имеет место вовлеченность говорящего и адресата в ситуацию непосредственного речевого взаимодействия, что отражается, например, в употреблении местоимений 1 и 2 лица, в указаниях на мыслительные процессы и эмоции говорящего и адресата, в использовании жестов и других невербальных средств коммуникации. При письменном же дискурсе происходит отстраненность говорящего и адресата от описываемой в дискурсе информации, что, в частности, выражается в более частом употреблении пассивного залога.

По мнению У. Чейфа, использование языка контролируется нашим сознанием. Сознание, как утверждает У. Чейф, по своей природе фокусируется в каждый момент на каком-то фрагменте мира, и этот фокус постоянно перемещается. Сфокусированность сознания на некоторой

информации означает, что данная информация активирована. У. Чейф придерживается трехчленной классификации состояний активации: *активная информация, полуактивная и инактивная*.

К полуактивной информации он относит, информацию, недавно вышедшую из активного состояния или каким-то образом связанную с информацией, активной в данный момент. Это лежит в основе понятия триады «данное – доступное – новое». Такое трехчленное противопоставление имеет целый ряд отражений в языке. Так, например, референты «данного» обычно обозначаются слабоакцентированными местоимениями или нулем, а имеющие статус «доступное» или «новое» представлены ударными полными именными группами.

Эмпирический вывод У. Чейфа, имеющий фундаментальный характер, состоит в том, что устный дискурс порождается не как плавный поток, а толчками, квантами. Эти кванты, чаще всего соизмеримы по объему с одной предикацией и именуется интонационными единицами (ИЕ). Каждая ИЕ отражает текущий фокус сознания, а паузы или другие просодические границы между ИЕ соответствуют переходам сознания говорящего от одного фокуса к другому. Средняя длина ИЕ для английского языка – 4 слова. У. Чейф отмечает то обстоятельство, что совпадающая с клаузой прототипическая ИЕ вербализует событие или состояние. Наряду с прототипическими ИЕ достаточно часты и маргинальные виды ИЕ, которые У. Чейф определяет как незавершенные, ошибочные начала, наложения речи двух или более собеседников и т. д.

Труд У. Чейфа содержит целый ряд открытий, которые проливают новый свет на структуру человеческого дискурса. Во-первых, У. Чейф сформулировал ограничение «один элемент новой информации в ИЕ», в соответствии с которым ИЕ содержит не более и не менее, чем один новый референт или одно событие. Когнитивная причина подобного ограничения, как считает У. Чейф, заключается в том, что невозможно активировать (перевести из инактивного состояния в активное) более одного элемента информации в рамках одного фокуса сознания. А.А. Кибрик считает, что данное обобщение может претендовать на статус одного из наиболее важных результатов, полученных в дискурсивном анализе.

В соответствии с вышеизложенным У. Чейф исключает понятие предложения из своей концепции речевого потока, контролируемого сознанием. По его мнению в рамках устного дискурса статус этого понятия неочевиден. Для него очевидно, что предложение традиционно рассматривают как базисный феномен языка лишь в силу гипертрофированной роли письменной формы языка в лингвистике. Для устной речи характерны такие составляющие, как дискурс и ИЕ. В этой связи

У. Чейф рассматривает предложение как нечто промежуточное. Исследователь предположил, что предложение можно представить как «суперфокус сознания», который превосходит обычный фокус сознания (или одну ИЕ), позволяющий человеку удерживать в сознании не более одной новой идеи. У. Чейф считает, что в процессе порождения дискурса человек мысленно просматривает, сканирует текущий суперфокус и разбивает его на отдельные фокусы, соизмеримые с объемом сознания.

Другим важным элементом концепции У. Чейфа является понятие топика. Топик, как считает У. Чейф, представляет собой комплекс взаимосвязанных идей (референтов, событий, состояний), находящихся в полуактивном сознании. То есть, к топику дискурса относится все то, о чем говорится в этом дискурсе, но не все элементы топика активны в каждый момент дискурса. Такой подход к понятию топика позволяет объяснить феномен целостности дискурса. Концепция У. Чейфа предусматривает возможность как диалогического, так и нарративного развития топика и даёт описание усеченным и второстепенным топикам. У. Чейф полагает, что в ходе речевого взаимодействия сформированный топик позволяет фрагментировать дискурс и создавать существенно большие, чем ИЕ эпизоды. Таким образом, У. Чейф рассматривает предложения в качестве промежуточных составляющих между эпизодом и ИЕ.

Явления информационного потока также отражены в работах американского когнитивного лингвиста Р. Томлина. Учёный исследует классические «информационные» категории и, в первую очередь, тему (топик) и данное / новое. Он предлагает радикально переопределить эти теоретически неясные понятия в когнитивных терминах, опираясь на факты, установленные независимо друг от друга различными исследователями в области когнитивной психологии. В частности, Р. Томлин предлагает заменить понятия *темы* (топика) на *фокусное внимание*, а понятие *данного* на *активированное в памяти* (что аналогично гипотезе У. Чейфа). Р. Томлин пришёл к выводу о том, что манипулируя состояниями внимания и памяти говорящего в ходе эксперимента, можно проверить, как когнитивные характеристики дискурса реализуются в грамматической структуре.

Более того, исследователь идёт дальше и проводит эксперимент по манипулированию активной памятью говорящего, что вписывается в его обширную исследовательскую программу, которую он называет когнитивной функциональной грамматикой, целью которой является разработать модель представления событий и их отображения на языковую структуру, а также модель когнитивной системы говорящего и методологию экспериментальной верификации каузальных связей между когнитивными и языковыми явлениями.

Электронный модус представляет особый интерес как феномен, возникший всего лишь 15-20 лет назад и получивший за это время огромное распространение. По мнению А.А. Кибрика, электронный модус представляет собой нечто среднее между устным и письменным дискурсом. Подобно письменному дискурсу, электронный модус использует графический способ фиксации информации, но подобно устному дискурсу он отличается мимолетностью и неформальностью. Еще более чистым примером соединения особенностей устного и письменного дискурса, считает А.А. Кибрик, является общение в режиме Talk (или Chat) [21, С.8]. Исследование особенностей электронной коммуникации является одной из активных областей современного дискурсивного анализа [46].

Таблица 9.

Типы (модусы) дискурса [по А.А. Кибрику]

устный		канал передачи – акустический
письменный	К а н а л п е р е д а ч и	канал передачи – визуальный
мысленный		какие бы то ни было следы языковой деятельности человека (акустические, графические) отсутствуют, так как одно и то же лицо является и продуцентом, и реципиентом
жестовый		основан на визуальном взаимодействии между говорящим и адресатом
электронный субмодус		в качестве канала передачи исследователь рассматривает такие средства коммуникации как телеграмма, радиопередача, телепрограмма, телефонный разговор, общение при помощи пейджера и автоответчика, переписка по электронной почте. Приравняется к устному и письменному

Жанры дискурса

Понятие жанра применительно к дискурсу в современной лингвистике используется достаточно широко. По мнению А.А. Кибрика [21, С.9], решение проблемы определения жанров дискурса в современной лингвистике носит перечислительный характер. Исследователи Е.А. Земская, М.В. Китайгородская и Е.Н. Ширяев [14, С.12] предложили следующий, как некоторые считают, неполный список жанров устной речи: 1) интервью, 2) дискуссия, тематический разговор, 3) разговор, 4) доклад, 5) репортаж, 6) рассказ. В этом списке отсутствуют такие жанры как проповедь, политическое выступление, тост, присяга, контракт, диагноз и т. д. В этой связи А.А. Кибрик отмечает, что проблемы определения жанров дискурса – самый неизученный вопрос. Исследователи пока, по-видимому, не пришли к соглашению в отношении принципов выделения жанров.

Тем не менее, решение данной проблемы в дискурсивном анализе имеет первостепенное значение. М.М. Бахтин определил знание жанров дискурса как важный компонент языковой компетенции человека: «Мы говорим разнообразными жанрами, не подозревая об их существовании <...>. Эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык <...>. Научиться говорить – значит научиться строить высказывания <...>. Если бы речевых жанров не существовало <...>, речевое общение было бы почти невозможно» [4].

А.А. Кибрик соглашается с классиком философской мысли и высказывает мысль о том, что знание таких жанров, как научный доклад или научная статья, газетный репортаж и т. п. является необходимым условием создания дискурса соответствующего жанра. Отсутствие соответствующего опыта и неумение порождать дискурс нужного жанра лишает человека возможности стать членом соответствующего дискурсивного сообщества.

Такой подход соотносится с предложенным известным современным специалистом по жанру британско-американским лингвистом Дж. Суэйлсом. По определению Дж. Суэйлса [60] жанры – это принадлежность дискурсивных сообществ. По выражению Дж. Суэйлса, сообщества владеют жанрами. Дискурсы одного жанра имеют общий набор коммуникативных целей, признаваемых дискурсивным сообществом. Такое экстралингвистическое определение жанра, по мнению А.А. Кибрика, правильно отражает суть дела, но такое определение плохо формализуемо и ничего не дает для понимания языковой природы жанра.

Другой подход, основанный на понятии жанровой схемы, можно назвать структурным. Такой подход позволяет определить тот или иной жанр в терминах языковой структуры. А.А. Кибрик определяет жанровую схему, соответствующую, например, жанру X как последовательность компонентов, которые присутствуют в дискурсе жанра X [21, С.9] и приводит в качестве обоснования такого определения результат известного исследования У. Лабова [55], который получил жанровую схему, состоящую из шести компонентов: *резюме – ориентация – усложняющееся действие – оценка – результат/развязка – кода*. У. Чейф, однако, предложил чуть более простую схему рассказа, состоящую из пяти компонентов: *ориентация – завязка – кульминация – развязка – кода* [50].

А.А. Кибрик рассматривает полученные результаты исследований в области жанра дискурса в рамках подхода, основанного на понятии жанровой схемы, как важное научное обобщение, но считает, что между таким обобщением и языковой структурой не хватает некоего соединяющего звена. Исследователь выделяет ещё один подход к лингвистической идентификации жанров, основанный на формальных – лексико-грамматических –

характеристиках соответствующих дискурсов. Например, жанр рассказа обладает некоторыми языковыми особенностями: рассказ содержит каркас из упорядоченных во времени событий, которые описываются однотипными грамматическими формами (например, глаголами в прошедшем времени) и соединяются связующими элементами (типа союза *потом*).

В этой связи американский лингвист Д. Байбер задался вопросом: можно ли приписать жанрам как культурным концептам устойчивые языковые характеристики?

Основной вывод Д. Байбера относительно языковых характеристик жанров носит отрицательный характер: фактически жанры оказываются лингвистически нерелевантной классификацией, с точки зрения формальных, лексико-грамматических характеристик, так как жанровые схемы можно рассматривать лишь как конфигурации типов пассажей, не более того. Только в этом случае, возможно, жанры в целом могут получить лингвистическое определение [47, С.27].

А.А. Кибрик полагает, что исчерпывающее исследование жанров дискурса не очень близкая перспектива. В этом отношении заслуживает внимания труд Р. Лонгакра [57], который представил свою классификацию типов повествования и жанров.

Функциональные стили дискурса

А.А. Кибрик рассматривает как независимое от модуса и жанра третье противопоставление дискурса – по функциональному стилю или ф-стилю [21, С.11]. По мнению исследователя ф-стили могут быть классифицированы на основе сфер человеческой деятельности. Одна из популярных классификаций ф-стилей представлена в книге Г.Я. Солганик: 1) бытовой; 2) научный; 3) официальный; 4) публицистический; 5) художественный [35].

Тем не менее, исследователь считает, что такая классификация является неполной и приводит целый ряд ф-стилей, не вписывающихся в данный перечень, например, юридический, политический, коммерческий, криминальный, религиозный и т.д. А.А. Кибрик полагает, что типовые ф-стили являются вполне реальными, и это позволяет выделить некий прототип, но не инвариант, дискурсов научного характера, так как ф-стили весьма вариативны.

По мнению А.А. Кибрика, ф-стили часто смешиваются с жанрами, но исследователь отмечает, что это совершенно разные явления, так как один и тот же жанр может быть представлен в разных ф-стилях, например, рассказ может быть художественным, публицистическим, бытовым и т.д. И наоборот, один и тот же ф-стиль может быть представлен в разных жанрах, например, научный ф-стиль характерен для статьи, доклада, хроники

конференции и т. д. Кроме того, ф-стили, в отличие от жанров, не обладают жесткими схемами, они легче поддаются смешению, например, распространенное внедрение элементов криминального ф-стиля в бытовой, публицистический и даже официальный дискурс.

Формальность дискурса

А.А. Кибрик рассматривает ф-стиль как градуальное противопоставление по *формальности*. По его мнению, *формальность* является ещё одним таксономическим параметром, противопоставляющим целые дискурсы. Различие по формальности основано на характере социальных отношений между говорящим и адресатом. Это противопоставление определено С.В. Кодзасовым как «свой / чужой» [22].

А.А. Кибрик, рассматривая дискурс как языковое явление, реализующее различия по формальности, как фонетическую редукцию, полагает, что высокая степень редукции возможна лишь при неформальных, свойских отношениях между говорящим и адресатом.

Другой пример формальности дискурса – это ритуальные выражения, которые могут быть представлены такими формами письменного прощания, как ‘с наилучшими пожеланиями’, ‘всего хорошего!’, ‘счастливо!’, ‘целую’, расположенными по убыванию формальности и, наоборот, по нарастанию свойскости.

Учёный считает, что различие по формальности, как правило, не совпадает с различием по ф-стилю, что позволяет общаться с незнакомыми людьми в бытовом ф-стиле, но при этом очень формально. И напротив, научный ф-стиль может сочетаться с очень неформальным характером общения, например, в постоянно действующем научном семинаре.

Направления и подходы в дискурсивном анализе

Дискурсивный анализ, как достаточная молодая дисциплина в современной лингвистике, неоднороден в смысле выработки какого-либо единого подхода по его изучению, разделяемого всеми специалистами в области лингвистических исследований, в частности, в области исследования дискурса. Более того, единого подхода в изучении дискурса не существует. Тем не менее, можно выделить несколько популярных подходов, которые позволяют систематизировать результаты проведенных исследований.

Исследователи полагают, что анализ бытового диалога как одно из направлений в изучении дискурса представляется наиболее интересным. Что касается других направлений в дискурсивном анализе, то основные исследования в рамках этих направлений проводились и проводятся

отдельными авторитетными учёными и до сих пор служат катализаторами идей, способных в значительной степени расширить наше понимание и знание о дискурсе.

В первую очередь необходимо отметить такие школы, где

- было положено начало изучению дискурса (например, дискурсивные штудии Дж. Граймса и Дж. Хайндса);
- был разработан и обоснован метод исследования информационного потока (information flow) (У. Чейф);
- были проведены исследования связей между грамматикой и межличностным взаимодействием в диалоге (ведущие исследователи С. Томпсон, Б. Фокс, С. Форд);
- была разработана когнитивная теория связи дискурса и грамматики (ведущий исследователь Т. Гивон);
- были поставлены эксперименты по исследованию дискурса (Р. Томлин);
- была разработана «грамматика дискурса» (Р. Лонгейкр);
- была разработана «системно-функциональная грамматика» (М. Хэллидей);
- были проведены исследования стратегий понимания дискурса (Т.А. ван Дейк, У. Кинч);
- была разработана общая модель структуры дискурса (Л. Поланья);
- были разработаны социолингвистические подходы в изучении дискурса (У. Лабов и Дж. Гамперс);
- была предложена психолингвистическая «модель построения структур» (М. Гернсбакер)

Перечень не является исчерпывающим, так как всё более широкий круг исследователей проявляет живой интерес к дискурсивному анализу. Существующие направления в изучении дискурса хотя и разрозненны, но не являются антагонистическими.

Методы дискурсивного анализа

Методы, используемые разными школами дискурсивного анализа, весьма разнообразны. В частности, анализ бытового диалога и работы У. Чейфа опираются на естественный дискурсивный материал. При этом в анализе бытового диалога обобщения добываются путем выявления повторяющихся, доминирующих моделей, но для У. Чейфа приоритетным является метод интроспекции.

В работах Р. Томлина эмпирический материал состоит не из естественных, а из экспериментальных данных. Причём, обработка материала включает стандартное для когнитивной психологии использование

статистических тестов.

Особый круг методологических вопросов связан с транскрибированием устного дискурса. Любая попытка объективной письменной фиксации (транскрибирования) устного языка вынуждает исследователей решать множество сложных интерпретационных и технических проблем, неизвестных лингвистам, изучающим исключительно письменные тексты. Специалисты по дискурсу давно поняли, что при фиксации устной речи важны не только слова, но и множество других обстоятельств – паузы, просодия, смех, наложение реплик, незаконченность реплик и т.д. Без учёта этих особенностей осмысленный анализ описываемого лингвистического феномена попросту невозможен. При этом разработка последовательных методов транскрипции устного дискурса и выбор разумного уровня детализации являются чрезвычайно непростыми проблемами. Поэтому в настоящее время принципы транскрибирования устного дискурса являются предметом едва ли не целого научного направления (работы группы Е.А. Земской, Дж. Дюбуа и его соавторов, Дж. Гамперса и др.).

Еще одно важное методологическое нововведение последних лет – все более активное использование корпусов текстов в дискурсивном анализе. В мире существует целый ряд компьютерных корпусов, насчитывающих миллионы словоупотреблений, которые могут применяться для проверки выдвигаемых гипотез. Большинство этих корпусов связаны с английским языком.

Место дискурсивного анализа в лингвистике

Формальная лингвистика в целом не очень активно интересуется проблемами дискурса. Отчасти это связано с объективной сложностью формализации дискурсивных процессов, отчасти с хомскианским постулатом о центральности синтаксиса. Однако, некоторые формальные лингвисты пытаются ввести элементы дискурсивных понятий в арсенал генеративной грамматики (это касается вопросов референции и темо-рематической структуры, например в работах Т. Райнхарт). В формальной семантике существуют несколько направлений, объявляющих дискурс сферой своего интереса. В частности, это относится к теории репрезентации дискурса немецкого логика Х. Кампа, исследующей в первую очередь языковую квантификацию и временные категории.

В настоящее время дискурсивный анализ вполне институционализировался как особое междисциплинарное научное направление. Издаются специализированные журналы, посвященные анализу дискурса. Наиболее известные центры дискурсивных исследований находятся в США – это университет штата Калифорния в г. Санта-Барбара

(где работают У. Чейф, С. Томпсон, М. Митун, Дж. Дюбуа, П. Клэнси, С. Камминг и др.), университет штата Калифорния в г. Лос-Анджелес (там работает Э. Шеглофф, один из основателей анализа бытового диалога), университет штата Орегон в г. Юджин (там работают Т. Гивон, Р. Томлин, Д. Пэйн, Т. Пэйн), Джорджтаунский университет в г. Вашингтон, О.К. (давний центр социолингвистических исследований, среди сотрудников которого – Д. Шиффрин). В Европе следует указать Амстердамский университет, где работает классик дискурсивного анализа Т.А. ван Дейк.

Начиная с 1970-х годов, особенно в 1980–1990-е годы и по настоящее время исследования дискурса стали важной частью компьютерной лингвистики, так как любая современная конференция по компьютерной лингвистике обязательно включает секцию, посвящённую дискурсивным исследованиям. К числу известных специалистов в этой области относятся Б. Грос, К. Сайднер, Дж. Хиршберг, Дж. Хоббс, Э. Хови, Д. Румелхарт, К. Маккьюин и др. Некоторые важные идеи дискурсивного анализа были сформулированы в компьютерной лингвистике едва ли не раньше, чем в теоретической. Так, еще в середине 1970-х годов Б. Грос ввела понятие фокусирования, которое позже повлияло на когнитивные исследования в области референции. С конца 1970-х годов изучение дискурсивных процессов велось также в ряде отечественных научных центров, занимавшихся проблемами искусственного интеллекта и автоматической обработки естественного языка.

Заключение

Таким образом, для понимания разнообразия дискурса необходимо учитывать не менее пяти параметров – *регистр, тип или модус, жанр, функциональный стиль и формальность*. Параметры независимы друг от друга и обеспечивают в сочетании друг с другом широкий диапазон различных возможностей.

Представляется, что комбинаторика типов дискурса должна быть подробно исследована и с этим в значительной мере будет связан дальнейший прогресс дискурсивного анализа как научной дисциплины. Такое исследование включает, по крайней мере, три аспекта.

Во-первых, важно исследовать дискурсивное разнообразие как таковое. Изучение разнообразия и его классификация – необходимый компонент научного анализа той или иной предметной области. Например, прогресс химии как науки был бы невозможен без порядка, наведенного Д. Менделеевым в классификации химических элементов.

Во-вторых, только через призму значимых классификационных признаков, различающих типы дискурса, можно объяснить все богатство

лексических и грамматических выборов, производимых говорящим или пишущим человеком (а в случае устной речи – также особенности сегментной фонетики и просодии). Как было показано выше, такие выборы очень часто зависят от модуса, жанра и типа изложения, ф-стиля и степени формальности. Исследователи полагают, что только перемножение всех этих переменных может объяснить фактическое разнообразие «локальных» языковых явлений, наблюдаемых в естественном дискурсе.

В-третьих, с классификацией дискурсов связана задача построения общей теории дискурса. Типы дискурса настолько разнообразны, что все существующие на сегодняшний день модели дискурса обычно хорошо применимы лишь к какому-то из этих типов (устному или письменному, конкретному жанру и т. д.).

Практически все актуальные проблемы дискурсивного анализа решаются по-разному для разных типов дискурса. А.А. Кибрик, в частности, утверждает, что никакой универсальной теории дискурса пока не существует, дискурсивный анализ является крайне мозаичной дисциплиной. Это положение дел в будущем может быть изменено лишь при условии создания адекватной и всеобъемлющей классификации типов дискурсов.

В рамках анализа дискурса исследователи предпринимают попытки описать происходящие в лингвистике явления, дать им теоретическое обоснование. Например, дать описание природы устного и письменного текста как некоей структуре и сопутствующим ей языковым явлениям, которые обуславливают наше восприятие текста как дискурса (о чём, собственно, идёт речь в данной работе). В лингвистике состоялось мнение о том, что язык, речь уже невозможно рассматривать обособленно от объективной реальности, в результате чего был разработан междисциплинарный подход, приверженцы которого в последнее время невероятно укрепили свои позиции.

Помимо теоретической лингвистики, с исследованием дискурса связаны такие науки и исследовательские направления, как компьютерная лингвистика и искусственный интеллект, психология, философия и логика, социология, антропология и этнология, литературоведение и семиотика, историография, теология, юриспруденция, педагогика, теория и практика перевода, коммуникационные исследования, политология. Каждая из этих дисциплин подходит к изучению дискурса по-своему, однако некоторые из них, например, социология, оказали существенное влияние на лингвистический дискурсивный анализ.

Совсем недавно с точки зрения эволюции языка возникло понятие прикладная лингвистика (applied linguistics), задачей которой является обратить выявленные закономерности языка в практическую область

применения.

Исследование такого явления как дискурс во многом повторяет реализованные в области лингвистики подходы. На данном этапе исследования дискурса как лингвистического феномена необходимо, на наш взгляд, шаг за шагом начинать рассматривать этот феномен в прикладном аспекте, как прикладной дискурс (applied discourse).

К мысли о необходимости рассматривать дискурс в прикладном аспекте нас приводит то обстоятельство, что выявленные дискурсивные закономерности, характеристики дискурса, его структурированность, широкий спектр возможностей для различного рода комбинаций и т. д. обуславливают крайне благоприятную возможность для создания системы междисциплинарного, межкультурного взаимодействия, в основу которого может быть положена дискурсивная компетенция как одна из важных составляющих языкового образования в целом. В связи с тем, что мы рассматриваем английский язык как основной инструмент речевого взаимодействия в рамках глобального междисциплинарного и межкультурного общения, то формирование дискурсивной компетенции может быть успешно реализовано при использовании англосаксонской линейной формы порождения текста.

В поддержку тезиса об очевидном прикладном характере дискурса и о возможности и необходимости рассматривать дискурс в прикладном аспекте нас приводит то обстоятельство, что выявленные дискурсивные закономерности, характеристики дискурса, его структурированность, прагматизм и т. д. обуславливают его матричность, что по нашему мнению является крайне благоприятным обстоятельством, чтобы обратить открытия исследователей теории дискурса в прикладной аспект для создания системы подходов при обучении языку и, таким образом, минимизировать затруднения обучающихся при порождении текста на межличностном, межкультурном, междисциплинарном, и далее, на профессиональном уровне взаимодействия. Основой такой системы обучения языку может стать необходимость формирования дискурсивной компетенции или обучение системным свойствам дискурса, что имеет перспективу превратиться в одну из важных составляющих языкового образования в целом.

Вслед за А.А. Кибриком выскажем мысль о том, что нам представляется более важным научить, КАК говорить или выстраивать речевое взаимодействие, нежели ЧТО должно стать содержанием такого взаимодействия. История человечества полна примеров, когда отношение к культурным и даже общечеловеческим ценностям со стороны целых народов менялось под влиянием идеологического воздействия, реализованного через дискурс, соотнесённый с целевой аудиторией, с местом и временем, наиболее

благоприятными для такого воздействия.

С точки зрения лингводидактики, в частности, при обучении иностранным языкам в высшей школе, высокий уровень сформированной дискурсивной компетенции может в значительной степени минимизировать трудности, связанные с решением различного рода коммуникативных задач на иностранном языке. В этом случае понимание системных принципов дискурса при речевом взаимодействии на иностранном языке позволит обучающемуся сосредоточиться на событийном аспекте высказывания, даст возможность не только проанализировать межкультурную составляющую речевого взаимодействия, но также избежать типичных ошибок технического характера, которые могут возникнуть на этапе структурирования и стилистического оформления текста, при подборе лексических единиц для адекватной презентации замысла речевой интенции (фрейма) и т. д.

Д.А. Демо отмечает, что изучающие иностранный язык могут с пользой для себя обратиться к дискурс анализу, чтобы понять, что из себя представляет изучаемый ими язык и каким образом его использовать для решения поставленной перед ними коммуникативной задачи <...> и что можно предпринять для повышения уровня иноязычной подготовки [52].

Вопросы для самопроверки

1. Почему определение понятия дискурса стало одной из центральных проблем в языкознании в конце 20-го – начале 21-го в.?
2. Предложите определение понятия дискурс с позиции классической философии. С позиции современной философии. С позиции лингвофилософии.
3. Назовите учёного, который ввёл в научную теорию лингвистики текста понятие «анализ дискурса».
4. Назовите одно из первых описаний дискурса и автора этой работы.
5. Назовите два основных научных направления исследования дискурса в России.
6. Назовите оппозитивные критерии противопоставления понятий *текст* и *дискурс*.
7. В чём заключается социолингвистическая ориентация теории речевых жанров М.М. Бахтина?
8. Назовите три основных класса употребления термина *дискурс*.
9. Назовите основные подходы в изучении дискурса в рамках теории высказывания [по Е.С. Кубряковой].
10. Опишите структуру отношений: дискурсивная компетенция – коммуникативная компетенция.
11. В чём заключается универсальность лингвокультурной основы стратегии порождения текстов?
12. Назовите дискурсивные законы.
13. Назовите основные характеристики дискурса.
14. Дайте определение дискурса с позиции компетентностного подхода.
15. Дайте описание основных характеристик глобального и локального дискурса.
16. Дайте определение понятию фрейм; скрипт (сценарий).

17. С какой целью была создана теория риторической структуры (У. Манн и С. Томпсон)? Что является предметом исследования ТРС?
18. Назовите единицы анализа дискурса [по В.Б. Кашкину].
19. Опишите структуру дискурса [по А.А. Кибрику].
20. Принципы определения регистра, модуса (типа), жанра и ф-стиля дискурса и их лингвистические характеристики.
21. Назовите причины состоявшейся дихотомии устной и письменной речи.
22. Означает ли знание жанров высокий языковой / коммуникативной компетенции личности?
23. Поясните, в чём заключается различие между жанровыми схемами, предложенными У. Лабовым и У. Чейфом?
24. В чём заключается основной вывод Д. Байбера относительно языковых характеристик жанров?
25. Назовите, в чём заключается основное различие между ф-стилем и жанром?
26. Дайте характеристику формальности дискурса.
27. Назовите основные направления и подходы в дискурсивном анализе на современном этапе.
28. Назовите основные методы дискурсивного анализа на современном этапе.

Подготовьте высказывание объёмом 150 – 220 слов по следующим темам:

1. Противопоставление: текст – дискурс
2. Понятие дискурса
3. Современные трактовки дискурса
4. Дискурс как коммуникативное явление
5. Социальные подходы в изучении дискурса

Литература

1. Абрамова Т.В. Диалогическое единство «просьба-реакция» (на материале русского и английского языков) / Т.В. Абрамова. - Дисс. ... канд. филол. наук. - Воронеж, 2003. – 257 с.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - 688 с.
3. Баранов А.Н. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов / А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. - 1992. - №3. - С. 84-93.
4. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. - В сб.: М.М. Бахтин. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература. 1953/1986. - С. 428-472.
5. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. - 336 с.
6. Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М.: Прогресс, 1974. - 448 с.
7. Борботько В.Г. Элементы теории дискурса: Учебное пособие. Грозный: Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого, 1981. - 113 с.
8. Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.). Марксизм и философия языка / В.Н. Волошинов. - М.: Лабиринт, 1993. - 192 с.
9. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. - С. 217-237.
10. Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста Вып. 2. Методы анализа текста. М.: Всесоюзный центр переводов ГКНТ и АН СССР, 1982. - 288 с.
11. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. М.: Институт языкознания РАН, 1995. - С. 239-320.
12. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. 23. - М.: Прогресс, 1988. - С. 153-211.
13. Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. - М.: Прогресс, 1989. - 307 с.
14. Земская Е.А., Китайгородская М.В. и Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука. 1981. - 276 с.
15. Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы

- лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. - Волгоград: Перемена, 1999. - С. 5-19.
16. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 2000. - С. 5-20.
 17. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. - Волгоград: Перемена, 2004. - 390 с.
 18. Кашкин В.Б. Сопоставительные исследования дискурса / В.Б. Кашкин // Концептуальное пространство языка; Тамб. гос. ун-т. - Тамбов, 2005. - С. 337-353.
 19. Кашкин В.Б. Сопоставительные исследования дискурса. <http://kachkine.narod.ru/Articles2006/KashkinVB2005ContrDiscTambov.htm>
 20. Кибрик А.А., Подлеская В.И. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего // В.Д. Соловьев (ред.) Когнитивные исследования. Сборник научных трудов. Вып. 1. М.: Институт психологии РАН, 2006. - С. 138-158.
 21. Кибрик А.А. Модус, жанры и другие параметры классификации дискурсов. Вопросы языкознания, № 2, 2009. - С. 3-21.
 22. Кодзасов С.В. Категория «свой / чужой»: семантика и фонетика // Проблемы семантического анализа лексики. Тезисы докладов международной конференции. М.: Русские словари, 2002. - С. 38-40.
 23. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Символы прецедентных текстов в коммуникации. // Изучение и преподавание русского слова от Пушкина до наших дней. Материалы конференций и семинаров. Волгоград: Перемена, 1999. - С. 7-14.
 24. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. - М.: Рос. Гуманит. Ун-т, 1995. - С. 144-238.
 25. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров / РАН ИНИОН (Серия: Теория и история языкознания). - М., 2000. - С. 7-25.
 26. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976. - 399 с.
 27. Леонтьева Е.Ю. Философия, культура, религия. Рациональность и «дискурс» (к постановке проблемы) // <http://www.ebiblioteka.ru/sources/article.jsp?id=2800039>.
 28. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. - М.: ИТДГК Гнозис, 2003. - 280 с.
 29. Миронова Н.Н. Дискурс - анализ оценочной семантики. - М.: НВИ-

- Тезаурус, 1997. - 158 с.
30. Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в за-рубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. - 479 с.
 31. Олешков М.Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект: учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и лит. / авт.-сост. М.Ю. Олешков: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. - Нижний Тагил, 2006. - 146 с.
 32. Савельева В.В. Художественный текст и художественный мир: соотношенность и организация. - Автореф. дис...докт. филол. наук. Алматы, 2002. - 48 с.
 33. Серио П. О языке власти: критический анализ. В кн: Философия языка: в границах и вне границ: Междунар. сер. моногр. Т 1. Харьков: Око, 1993. - С. 83-100.
 34. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / Пер. с франц. и португ. - М.: Прогресс, 1999. - С. 14-53.
 35. Солганик Г.Я. Стилистика текста. М.: Наука. 2003. - 253 с.
 36. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. Сб. статей. - М.: РГГУ, 1995. - С. 35-73.
 37. Слышкин Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. - Волгоград: Перемена, 2000. - С. 38-45.
 38. Сусов И.П. История языкознания: учебное пособие для студентов старших курсов и аспирантов. - Тверь, 1999. - 327 с.
 39. Тюпа В.И. Аналитика художественного. Введение в литературоведческий анализ. М.: Лабиринт; РГГУ, 2001. - 192 с.
 40. Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. СПб., 2001. - С. 11-22.
 41. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», Саратов, 1999. - 300 с.
 42. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. - 368 с.
 43. Фигуровский И.А. От синтаксиса отдельного предложения к синтаксису целого текста // Русский язык в школе. 1948. № 3.
 44. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - 688 с.

- 45.Общеввропейские компетенции владения иностранным языком. Изучение, обучение, оценка. Страсбург, 2003. - 256 с.
46. Baron, Naomi. Alphabet to email: How written English evolved and where it's heading. London: Routledge, 2000. - 316 p.
47. Biber, Douglas. A typology of English texts. - Linguistics, 1989. - pp. 3-43.
48. Brown, G., & Yule, G. Discourse analysis. Cambridge: Cambridge University press, 1983. - 304 p.
49. Chafe, Wallace. Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature. - In: Spoken and written language: Exploring orality and literacy, ed. D. Tannen, Norwood: Ablex, 1982. - pp. 35-54.
50. Chafe, Wallace. Discourse, consciousness, and time. The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago: University of Chicago Press, 1994. - 327 p.
51. Coulthard, Malcolm. An Introduction to Discourse Analysis. London: Longman, 1977. - 195 p.
52. Demo, Douglas A. Discourse Analysis for Language Teachers. Center for Applied Linguistics, 2001. - www.cal.org/ericcll.
53. Hess-Lüttich E. W. B. Texttheorie und Soziolinguistik - eine pragmatische Synthese. Entwürfe zur Anwendung linguistischer Literaturanalyse / Inaug. Diss. - Bonn, 1979. - 320 p.
54. Kaplan R.B. Cultural thought patterns in intercultural education. Language Learning, 1966. - pp. 1-20.
55. Labov, William. Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. - 412 p.
56. Leech G. N. Principles of Pragmatics. – London: Longman, 1983. - 250 p.
57. Longacre, Robert. The grammar of discourse. New York: Plenum Press, 1983. - 423 p.
58. Mann, William, and Thompson, Sandra A. Rhetorical structure theory: toward a functional theory of text organization. 1988. - pp. 243-281.
59. Seriot, Patrick. Analyse du discours politique soviétique, Paris: IMSECO, 1985. - 362 p.
60. Swales, John. Genre analysis: English in academic and research settings. Cambridge: Cambridge University Press. 1990. - 274 p.
61. Wodak, Ruth. Disorders of Discourse. London: Longman, 1996. - 200 p.

Интернет-источники

1. Философская энциклопедия,
http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_philosophy.
2. Энциклопедия Кругосвет (Дискурс / Проповедь).
<http://www.krugosvet.ru/articles/82/1008254/1008254a1.htm>

Некоторые периодические издания по теме

1. **Электронный журнал «Современный дискурс-анализ»** выпускается Центром коммуникативных и медийных исследований «Медиаперспектива» Белгородского государственного университета. Настоящий журнал – это попытка совместного концептуального осмысления современных зарубежных и отечественных теорий дискурс-анализа, обсуждения современного состояния, форм и перспектив отдельных методологий. Данное издание ставит своей целью создание площадки для креативного диалога между исследователями, использующими дискурсные теории как в рамках изолированных научных направлений, так и в рамках локальных междисциплинарных теорий.

<http://discourseanalysis.org>

2. **Журнал «Дискурс: коммуникация – образование – культура»** основан в 1996 г. группой новосибирских ученых-гуманитариев, представителей Института филологии СО РАН, Новосибирского государственного университета и Новосибирского государственного педагогического университета. Первые шесть номеров журнала вышли в свет в Новосибирске; начиная с 7-го номера журнал издается в Российском государственном гуманитарном университете (Москва).

<http://www.nsu.ru/education/virtual/discourse.htm>

3. **Научный журнал «Дискурс-Пи»** учреждён Уральским отделением Российской академии наук, Институтом философии и права Уральского отделения наук РАН; издаётся под ред. Проф. О.Ф. Русаковой.

<http://www.discourse-p.ru>

4. **Научный альманах «Язык. Текст. Дискурс»** издаётся Ставропольским отделением Российской ассоциации лингвистов-когнитологов под ред. проф. Г.Н. Манаенко. На страницах альманаха разворачивается дискуссия по наиболее значимым проблемам современного языкознания. Авторитетный коллектив российских и зарубежных лингвистов знакомит заинтересованного читателя со спецификой исследования теоретических, методологических и прикладных аспектов изучения языка, текста и дискурса.

<http://uapryal.com.ua/nauchnyiy-almanah-yazyik-tekst-diskurs-stavropol/>

5. Международный журнал «**Discourse & Society**» отражает основные направления в изучении дискурса и процесса коммуникации как явления социального, политического и культурного. В журнале представлены статьи междисциплинарного характера, освещающие важные результаты исследований в области теории дискурса.

<http://das.sagepub.com>

6. Электронный журнал «**Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines**» предоставляет дискуссионную площадку для тех, кто занимается исследованиями в области дискурс-анализа.

<http://cadaad.net/journal>

Другие зарубежные ресурсы в помощь исследователям в области теории дискурса можно найти на <http://www.discourses.org/resources/journals/>

Учебное издание

Составитель: Горбунов Анатолий Геннадьевич

ДИСКУРС КАК НОВАЯ ЛИНГВОФИЛОСОФСКАЯ ПАРАДИГМА

Учебное пособие

Авторская редакция

Компьютерный набор А.Г. Горбунов

В оформлении обложки использован рисунок www.shutterstock.com

Подписано в печать 15.11.2013. Формат 60x84 ¹/₁₆

Усл.п.л. 3,3. Уч.-изд.л. 2,9.

Формат 60x84 1/16 Печать офсетная.

Тираж 150 экз. Заказ № 2099

Издательство «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.
тел. / факс: +7(3412) 500-295, e-mail: editorial@udsu.ru